

**Национальное общество прикладной
лингвистики (НОПриЛ)**

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
НАЦИОНАЛЬНОГО
ОБЩЕСТВА ПРИКЛАДНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ**

**Научно-исследовательский
журнал**

№ 2 (18)

**МОСКВА
2017**

УДК 81'33(063)

ББК 81.1я431

У 91

Главный редактор:

д. филол.н., профессор С.Г. Тер-Минасова (МГУ имени М.В. Ломоносова)

Заместитель главного редактора:

к. филол.н., доцент Н.А. Ахренова (ГСГУ, г. Коломна)

Технический секретарь:

к. филол.н. А.А. Колесников

(Академия акварели и изящных искусств Сергея Андрияки)

Редакционная коллегия:

д.филол.н., профессор Л.И. Богданова (МГУ имени М.В. Ломоносова)

д.филол.н., профессор Т.Г. Добросклонская (МГУ имени М.В. Ломоносова)

к.культ., доцент О.Ю. Иванова (РосНОУ, г. Москва)

д.филол.н., профессор О.М. Карпова (ИГУ, г. Иваново)

к.филол.н., доцент М.И. Киосе (Институт языкознания РАН)

к.филол.н., доцент О.А. Ксензенко (МГУ имени М.В. Ломоносова)

д.филол.н., доцент Л.Н. Лунькова (ГСГУ, г. Коломна)

д.филол.н., профессор А.Л. Назаренко (МГУ имени М.В. Ломоносова)

д.п.н., профессор Е.Н. Соловова (НИУ ВШЭ)

д.п.н., профессор И.И. Соломатина (ГСГУ, г. Коломна)

Robert Ilson (University College London)

Zhong Weihe (Guangdong University of Foreign Languages)

профессор Ян Кэ (Университет иностранных языков и внешней торговли, г. Гуанчжоу)

У 91 Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. М.: НОПриЛ, 2017 – 136 с.

ISSN 2305-8838

Материалы журнала содержат статьи, посвященные актуальным проблемам изучения и преподавания родного и иностранного языков, межкультурной коммуникации, перевода и другим аспектам современной лингвистической и педагогической наук.

ISSN 2305-8838

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор))

ПИ № ФС77-52630 от 25 января 2013 г.

Учредитель Национальное общество прикладной лингвистики. Адрес учредителя: 127572, Москва, ул. Новгородская, д. 22, к. 3, Председатель редакционной коллегии проф. Тер-Минасова С.Г. Подписано в печать 05.06.17 Формат 60x90/16. Усл.печ.л. 20,8. Тираж 1000 экз. Цена свободная.

© Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ)

© Авторы статей

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ПЕДАГОГИКИ

- Рыблова А.Н.** Проблемы разноуровневого высшего лингвистического образования и управления 9
- Хромов С.С., Никонова Н.К.** Инновационные типы магистерских программ с включенным интенсивным языковым блоком 16

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

- Лутеро Т.** Функциональная эквивалентность: воссоздание коммуникативного эффекта при переводе художественного текста (на материале произведений А. Барикко на итальянском языке и их переводов на русский язык) 21
- Хухуни Г.Т., Осипова А.А.** Переводной текст как источник истории языка: «естественный» или «искусственный»? 32

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

- Мамонова Т.А.** О понятиях «познавательный интерес», «мотив», «мотивация» в современной лингводидактике 40

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

- Абрамова Е.И.** Социолингвистическая обусловленность английского диалекта южного пембрукшира как «островного» 47
- Ахренова Н.А.** Интернет и власть: социолингвистический аспект 52

СТИЛИСТИКА И АНАЛИЗ ДИСКУРСА

- Степанова Н.Ю.** Экспрессивный потенциал стилистических приемов, реализующих языковую избыточность, в художественном тексте 69

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, КОММУНИКАЦИЯ

- Карасик В.И.** Коммуникативная тональность: типы и способы выражения 75
- Леонтович О.А.** «Две души и единая воля»: позитивная коммуникация в межкультурной семье 89

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Павловский И.И.** Специфика восприятия древнерусских князей в византийских источниках 106

РУСИСТИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Политова И.Н. О «многоликости» служебного слова «просто» в современном русском языке	113
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Красина Е.А. Рецензия на монографию Клаудии Беднаровой-Гибовой «К пониманию перевода в Европейском союзе»	127
Список авторов	130

CONTENTS

PEDAGOGY

- A. Riblova** Issues of a Multilevel Higher Linguistic Education and Management 9
- S. Khromov, N. Nikonova** The Innovative Types of Masters' Programs with Included Intensive Language Blocks (New Language Practice) 16

TRANSLATION

- T. Lutero** Functional Equivalent: the Recreation of the Communicative Effect While Translating a Literary Text in the Novels by A.Baricco (in the Italian language and Russian translations) 21
- G.Khukhuni, A.Osipova** The Translated Text as a Source of the Language History: "Natural" or "Artificial"? 32

METHODOLOGY

- T. Mamonova** To "Learning Interest", "Motive" and "Motivation" in Modern Theory of Education 40

LANGUAGE IN SOCIAL CONTEXT

- E. Abramova** Sociolinguistic Conditionality of English South Pembrokeshire Dialect as an Island Dialect 47

N. Akhrenova Internet and Governance: Sociolinguistic Aspect	52
---	----

DISCOURSE ANALYSIS

N. Stepanova Expressive Potential of Linguistic Redundancy at the Syntactic-Stylistic Level of a Literary Text	69
---	----

LANGUAGE, CULTURE, COMMUNICATION

V. Karasik Communicative Tonality: Types and Means of Expression	75
---	----

O. Leontovich Two Souls and One Will: Positive Communication in an Intercultural Family	89
--	----

CULTUROLOGY

I. Pavlovsky The Peculiarities of Description of Ancient Russian Princes in Byzantine Sources	106
--	-----

RUSSIAN STUDIES IN THE MODERN WORLD

I. Politova On the Diversity of the Function Word “Prosto” in Modern Russian	113
---	-----

REVIEWS

E. Krasina	Review on Klaudia Bednárová-Gibová	
	Monograph “Towards an Understanding of EU	127
	Translation”	
List of authors		130

ВОПРОСЫ ПЕДАГОГИКИ

Рыблова Алла Николаевна
Alla Riblova

Проблемы разноуровневого высшего лингвистического образования и управления

Issues of a Multilevel Higher Linguistic Education and Management

Аннотация: В статье ставится и решается актуальная проблема языкового образования и управления образовательным процессом в системе уровнев высшего лингвистического образования и предложены пути повышения его качества за счет реализации принципа разноуровневости. Автор программирует разные уровни образовательного процесса на основе разных профессиональных потребностей, профессионально значимых целей и ценностных ориентаций обучающихся, обладающих разным уровнем ЗУНов. Кроме того, в статье описываются разные уровни управляющей деятельности преподавателя иностранного языка, предусматривающие разное по форме, объему/силе, времени и частоте психолого-педагогического воздействие в зависимости от уровня образовательного процесса. Для практической реализации указанных уровней преподавателю рекомендуется предъявлять учебную, научную профессионально значимую иноязычную информацию и задачи-задания разного объема и сложности, применять разные методы, организационные формы и средства обучения в разных профессионально заданных ситуациях. Ключевые слова: система уровнев высшего лингвистического образования, принцип разноуровневости, управление образовательным процессом, уровень образовательного процесса, разные профессиональные потребности и ценностные ориентации обучающихся, разные профессионально значимые цели, разный уровень ЗУНов, уровень управляющей деятельности преподавателя, разная степень воздействия на обучающихся, разный объем и сложность учебной, научной профессионально значимой иноязычной информации, задачи-задания разного объема и сложности, разные методы, организационные формы и средства обучения, разные профессионально заданные ситуации.

Abstract: The article posed and solved the actual problem of educational process management in the system of multilevel higher linguistic education through the implementation of multilevel principle. The author programs different levels of training on the basis of different professional needs, professionally meaningful goals and values of students having different levels of knowledge and skills. In addition, the author describes different levels of the foreign language teacher's managerial activity providing different degrees of psychological and pedagogical influence concerning the shape, volume/strength and frequency and depending on the level of educational process. For practical implementation of these levels the recommendations are given for the teacher to bring educational, scientific professionally relevant foreign language information and tasks of different size and complexity, to apply different methods, organizational forms and means of training in different professionally given situations.

Ключевые слова: система уровневое высшего лингвистического образования, принцип равноуровневости, управление образовательным процессом, уровень образовательного процесса, разные профессиональные потребности и ценностные ориентации обучающихся, разные профессионально значимые цели, разный уровень ЗУНов, уровень управляющей деятельности преподавателя, разная степень воздействия на обучающихся, разный объем и сложность учебной, научной профессионально значимой иноязычной информации, задачи-задания разного объема и сложности, разные методы, организационные формы и средства обучения, разные профессионально заданные ситуации.

Key words: system of multilevel higher linguistic education, principle of multilevel, educational process management, the level of training, different students' professional needs, value orientations and goals, different levels of knowledge and skills, different levels of the foreign language teacher's managerial activity, different shape, volume/strength and frequency of psychological and pedagogical influence, different volume and complexity of professionally relevant foreign language information, tasks of different size and complexity, different methods, organizational forms and means of training, different professionally given situations.

За последние более пяти лет с момента перехода отечественного высшего образования на уровневую систему подготовки кадров по-новому ставятся и решаются проблемы повышения качества высшего лингвистического образования в образовательных организациях России. Решение возникающих проблем достигается, по нашему мнению, модернизацией принципов реализации образовательного процесса и управления им.

Мы определяем принципы управления как основополагающие регулятивные нормы, определяющие, как, каким образом преподаватель должен осуществлять воздействие на обучающихся при реализации образовательного процесса. Они базируются на принципах общей теории управления: установление исходного состояния управляемого объекта; разработку программы воздействия, предусматривающую основные переходные состояния управляемого объекта; получение информации по определенным параметрам о состоянии управляемого объекта; переработку информации, полученной по каналу обратной связи; выработку и реализацию корректирующих воздействий [Тихонов, 1967].

Методологический анализ отечественной и зарубежной научной литературы позволил нам выделить следующие принципы эффективного управления образовательным процессом: технологичности, цикличности, равноуровневости, интенсивности, диагностичности, экономичности,

результативности [Рыблова, 2015; Рыблова, 2009]. Однако в данной статье мы остановимся на теоретических предпосылках, организационных и методических возможностях, а также перспективах реализации только принципа *разноуровневости*, так как он, в большей мере, отвечает насущным потребностям уровня высшего лингвистического образования, обеспечивая тем самым повышение качества подготовки кадров мирового уровня.

Наши научные предположения о том, что реализация *разноуровневости в образовательном процессе* предусматривает разработку и реализацию разноуровневых учебных программ, разноуровневых программ управления процессом их усвоения и достижение обучающимися запланированных разноуровневых результатов, привели нас к необходимости методологического анализа и синтеза базовых идей и понятий. Направления реализации указанного принципа в системе уровня высшего лингвистического образования мы видим в исследованиях уровневой дифференциации, проводимых отечественными и зарубежными учеными. Анализ их работ позволяет отметить, что идея *разноуровневости* отнюдь не нова в современном образовании.

Проблемами уровневой дифференциации обучения много лет занимаются Н.П. Гузик, О.Б. Лошнова, А.С. Потапов, Г.К. Селевко, В.В. Фирсов, И.Э. Унт и др. В работах большинства авторов уровневая дифференциация предусматривает разделение обучающихся на группы по различным критериям: полу, области интересов, уровню развития, уровню достижений, личностно-психологическим типам, уровню здоровья. Однако на практике в образовательной организации высшего лингвистического образования уровневая дифференциация не нашла пока достойного места. Хотя ее следовало бы осуществлять при формировании, например, языковых групп обучающихся.

Уровневая дифференциация означает такую форму организации образовательного процесса, при реализации которой преподаватель работает с группой обучающихся, составленной по наличию у них каких-либо значимых качеств (гомогенная группа) или обеспечивается специализация

образовательного процесса для различных групп обучающихся. Обеспечить уровневую дифференциацию – это значит: создать разные условия обучения для различных групп, чтобы учесть особенности их контингента; реализовать комплекс методических, психолого-педагогических и организационно-управленческих мероприятий, обеспечивающих образовательный процесс в гомогенных группах [Селевко, 2006].

Таким образом, реализация уровневой дифференциации предполагает формирование различных групп обучающихся. В научной и учебно-методической литературе предлагается более двадцати критериев деления обучающихся на группы, к примеру, по успеваемости, устойчивости интереса и уровню познавательной самостоятельности, уровню развития памяти, типа мышления, уровню выполнения мыслительных операций, акцентуации характера, темпераменту, темпу работы, взаимоотношений обучающихся и др. Следует также отметить, что целью дифференциации по уровню является обучение каждого обучающегося на уровне его возможностей и способностей, а также адаптация (приспособление) обучения к уровню и особенностям развития различных групп обучающихся.

По особенностям организации групп исследователи выделяют внешнюю и внутреннюю дифференциацию. Разделяя уровневую дифференциацию таким образом, они рассматривают, прежде всего, организационный аспект образования. Внешняя уровневая дифференциация может быть: региональной; внутривузовской; межгрупповой и т.п. Внешняя уровневая дифференциация затрагивает структуру обучения и предполагает учет особенностей обучающихся посредством их объединения в отдельные группы [Третьяков П.И., Митин С.Н., Бояринцева, 2003]. Особое внимание следует обратить на перераспределение существующих групп в соответствии с уровнем успеваемости; его следует осуществлять после каждого курса обучения в образовательной организации высшего лингвистического образования, стимулируя и поощряя тем самым прогресс каждого обучающегося в соответствии с его

профессиональными потребностями, индивидуально-психологическими особенностями и ценностными ориентациями.

Под внутренней дифференциацией – дифференциацией на микроуровне – большинство исследователей понимают использование на занятиях в определенной группе объема и сложности содержания (информации) определенного уровня, а также применение специфичных для него методов, организационных форм и средств обучения, обеспечивающих максимальное развитие способностей и удовлетворение познавательных потребностей и интересов обучающихся. В психолого-педагогической литературе (И.Д. Бутузов, Г.Д. Глейзер, А.А. Кирсанов, Х.Й. Лийметс, Е.С. Рабунский и др.) представлены различные формы внутренней дифференциации: дифференциация заданий, дозирование помощи преподавателя обучающимся, групповая работа с обучающимися по модели полного усвоения знаний и т.п. Мы полагаем, что при реализации внутренней дифференциации в системе уровня высшего лингвистического образования можно предлагать обучающимся учебные программы, разные по объему, сложности, времени и месту изучения. Они будут стимулировать их самостоятельную познавательную деятельность в соответствии с уровнем ЗУНов, профессионально заданных целей, способствуя выработке ими собственных алгоритмов действий по переработке профессионально значимой иноязычной информации.

Внутренняя дифференциация также может быть внутрипредметной или внутригрупповой (малые группы в составе большой учебной группы). Отличительные особенности модели – внутригрупповая дифференциация по уровню обучения и развивающий цикл занятий по теме [9]. Занятия по каждой теме составляют пять типов, которые следуют друг за другом: занятия для разбора темы (лекции); комбинированные занятия с углубленной проработкой учебного материала в процессе самостоятельной работы обучающихся (семинары); занятия обобщения и систематизации знаний, (тематические зачеты); занятия обобщения материала (защита тематических заданий); занятия-практикумы. Мы полагаем, для реализации такого вида дифференциации в образовательных организациях

уровнего высшего лингвистического образования следует предусмотреть также разный комплекс методов, организационных форм и средств обучения для разных по уровню групп.

Проведенный теоретико-методологический анализ различных подходов, необходимый для решения актуальных проблем системы уровнего высшего лингвистического образования, подтверждает актуальность и значимость синтеза идей уровневой дифференциации для реализации разноуровневого образовательного процесса и управления им. Образовательный процесс и управление им станут эффективными, если будут осуществляться в соответствии с *принципом разноуровневости*. Его реализация подразумевает:

- программирование образовательного процесса в соответствии с *разными* профессионально заданными целями для групп обучающихся с *разным* уровнем знаний, умений и навыков;

- предъявление и переработку содержания (учебной, научной и профессионально значимой иноязычной информации) и задач-заданий *разного* объема и сложности;

- применение *разных* методов, организационных форм и средств обучения в *разных* профессионально заданных ситуациях в зависимости от *разных* профессиональных потребностей и ценностных ориентаций обучающихся;

- использование воздействия *разной степени* (по форме, объему/силе, времени и частоте) на обучающихся в зависимости от их индивидуально-психологических особенностей.

Исходя из многолетнего (более 30 лет) педагогического опыта, полагаем, что число уровней не должно превышать трех, так как при большем их количестве процесс контроля и оценки результатов образовательного процесса каждой группы и отдельного обучающегося будет затруднен.

Таким образом, каждый *уровень образовательного процесса* обучающихся (высокий, средний, низкий) определяет: профессиональные потребности и диагностично поставленные профессионально значимые цели; индивидуально-психологические особенности и ценностные ориентации

обучающегося; объем и время переработки учебной и научной профессионально значимой иноязычной информации; сложность иноязычной информации и задач-заданий к ней; степень когнитивной организации и саморегуляции обучающимся образовательного процесса, реализуемого в профессионально заданных ситуациях.

Каждый уровень управляющей деятельности преподавателя зависит от уровня образовательного процесса обучающегося и предусматривает *разный* объем/силу, частоту и характер психолого-педагогического воздействия преподавателя на того или иного обучающегося: приобщение обучающегося к образовательному процессу и к управлению им; согласованный с обучающимся объем и характер управляющей деятельности преподавателя; партнерство преподавателя и обучающегося в образовательном процессе и управлении им.

Таким образом, разноуровневое лингвистическое образование и управление им является сложным процессом, требует от преподавателя дополнительных методических знаний и умений, времени, усилий и терпения для разработки разноуровневого программно-методического инструментария, создает реальные условия обучающимся и преподавателям для проявления индивидуальности, будет содействовать успешной самопрезентации и самоменеджменту в профессиональной деятельности.

Литература

1. Рыблова А.Н. Разноуровневое управление профессиональной подготовкой и переподготовкой кадров в системе военного образования: монография. – М.: ВАГШ, 2015. -160с.
2. Рыблова А.Н. Управление образовательными системами [Текст]: учебное пособие / А.Н. Рыблова. – Саратов: Изд. центр СГСЭУ, 2009. - 168с.
3. Рыблова А.Н. Технология управления образовательным процессом в системе непрерывного образования: учебно-методическое пособие [Текст] / А.Н. Рыблова. – Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2009. - 96с.
4. Рыблова А.Н. Технология управления образовательным процессом студентов в университете: методические

- рекомендации [Текст] / А.Н. Рыблова. – Саратов: Изд. центр СГСЭУ, 2006. - 96с.
5. Рыблова А.Н. Как управлять деятельностью студентов: методические рекомендации [Текст] / А.Н. Рыблова. – Саратов: Изд. центр СГСЭУ, 2002. - 48с.
 6. Тихонов И.И. Методы научной организации и управления в учебном процессе [Текст] /И.И. Тихонов. - М., 1967.
 7. Селевко Г.К. Энциклопедия образовательных технологий [Текст] / Г.К. Селевко: в 2-х т. - М.:НИИ технологий, 2006. - 816с.
 8. Третьяков П.И., Митин С.Н., Бояринцева Н.Н. Адаптивное управление педагогическими системами [Текст] / П.И. Третьяков, С.Н. Митин, Н.Н. Бояринцева. - М.:Academia, 2003. - 368с.
 9. Гузик Н.П. Учить учиться [Текст] / Н.П. Гузик. - М.: Педагогика, 1981. - 89с.

Хромов Сергей Сергеевич
Никонова Нина Кирилловна
Sergey Khromov
Nina Nikonova

Инновационные типы магистерских программ с включенным интенсивным языковым блоком

The Innovative Types of Masters' Programs with Included Intensive Language Blocks (New Language Practice)

Аннотация: В статье описывается образовательный эксперимент по разработке инновационных типов магистерских программ с включенным интенсивным языковым блоком, представляющим новые языковые практики. Данный эксперимент проводился на примере магистерской программы Московского государственного университета экономики, статистики и информатики (МЭСИ) «Теория массовой коммуникации и международные связи с общественностью» (2010-2015 гг.).

Abstract: The article describes the educational experiment of elaborating innovative types of masters' programs with included intensive language blocks revealing new language practices. Nowadays the most perspective approach in the Russian educational system is modeling educational programs aimed at two diplomas. The experiment was conducted at the University of MESI.

Ключевые слова: инновационные типы, магистерские программы, лингвистический блок, новые языковые практики.

Key words: Innovative types, masters' programs, linguistic block, new language practices.

The growing complexity of all spheres of people's life, changing social development priorities, the need to process a huge amount of information from numerous sources led to a change of emphasis in education in general and in the educational activity in particular. To be successful in highly competitive environment, besides possessing solid theoretical knowledge, a specialist has to develop critical and creative thinking, solve various problems, be sociable, able to collaborate, to replenish his knowledge and improve personality.

Nowadays the most perspective approach in the Russian educational system is modeling educational programs aimed at two diplomas: that is specialists in world economics and international law and specialists in translation and interpreting in the sphere of professional cross-cultural communication.

The major advantage of innovative educational programs is defined by suggesting future-to-be-students two professions in different spheres which are mutually beneficial and complementary thus making it possible to strengthen the position in the domestic and international market demand. The educational program is intended to form a number of competences in the field of economic ties and cross-cultural communication. New educational program provides future specialists with two diplomas in the spheres of economics and linguistics. The educational process in the frame of the new program is carried out on the basis of the competent approach adopted in Russian higher professional educational system (Federal Standard 3).

The Novelty of the New Educational Program

Nowadays the most perspective approach in the Russian educational system is modeling educational programs aimed at two diplomas: that is specialists in world economics and specialists in translation and interpreting in the sphere of professional cross-cultural communication. We stress that this is a brand new master's program that has ever been suggested in Russian educational system before. The revised type doesn't work according to the sample [1 plus 1] because it doesn't precisely follow the curriculum of each master's program in world economics and linguistics. It emerges to present a new type of quality based on the two different ones.

Thus under these conditions we may state that we try a kind of an educational experiment. The result of implementing such a program is a formation of new set of vocational competencies necessary for future specialists in the field of economic ties and cross-cultural communication.

The major advantage of innovative educational programs is to suggest future-to-be-students two professions in different spheres which are mutually beneficial and complementary thus making it possible to strengthen the position in the domestic and international market demand.

The History of the Experiment

The new educational program was first introduced and exploited at the Moscow State University of economics, statistics and informatics (MESI) by the departments of linguistics and cross-cultural communication and world economics. The new educational program under the name: «World Economics and Cross-Cultural Communications» aims at learning specific issues of external activity in Russia with the application of linguistic means for advancement and development of the Russian business abroad. A particular attention is paid to cross-cultural accompaniment in running business, applying peculiarities and ways of its managing in the sphere of international trade, national and transnational companies and corporations. The educational process in the frame of the new program is carried out on the basis of the competent approach adopted in Russian higher professional educational system [Khromov, Udina: 27-43].

Interdisciplinarity as a mile-stone of the new master's program

One of the necessary conditions for creating new educational programs are the interdisciplinary courses worked out on the border of various specialties, such as Comparative culture studies (worked out by professor V. M. Zabolotny), Comparative region studies, Comparative grammar of the target and native languages, The World of the native and target languages, etc.

The tendencies of globalization and transfer to postindustrial society prevailing in the modern society nowadays are mostly defined by the development of economics, science and culture in the highly developed countries of the world. The global communication

net, the spread of the English language as lingua franca became a trustworthy tool of international communication thanks to which millions of people are able to get important information about the state of modern world and thus giving access to infinite cultural riches of the mankind.

Nowadays the Interdisciplinary course Comparative country studies is one of the main courses for students taking the innovative educational programs on the border of linguistics and world economics, economics and regional studies and aims at a wide acquaintance with the main events in cultural life of various countries and people in the historical retrospective. The course contains a brief summary of cultural life of the peoples of the world since ancient times, first trials of intercultural communication and also major tendencies in historical and cultural development at the present stage of globalization in international links.

It is worth noting out that a comparative analysis of mutual relations of different cultures is in the centre of attention, as well as a scientific comparison of the achievements from the point of view of values common to the mankind. We have reasons to believe that this approach lets it possible avoid wrong assessive judgments in regard of different cultures and give a chance to assess their equal contribution into the dynamics of forming planetary civilization on the ground of common principles of interaction, interpretation and enrichment of all world cultures correctly. Besides, the main principles of interrelations of the world cultures have been part of analyses from the point of view of their influence upon the development of modern international relations and their important role in the process of normalization of human relations and averting the danger of international conflicts.

What is significant that the Comparative culture studies as a scientific course may contribute into the prevention of the so called "conflict of civilizations" which inevitability an American sociologist S. Huntington prognosticated. The course offers a wider understanding of the language as the universal tool of expressing the essential peculiarities of different cultures. It also favors the understanding of the language as a reflection of material and spiritual aspects of the cultural life including such important components: behavioral stereotypes, way of life, religious

ceremonies, architecture, social structure, education, morals, character of religious beliefs, traditional worships, national character, etc. From this point of view the course gives a chance of understanding a very complex and contradictory transfer from a monolog to a dialog and later to a polilog of cultures and that is the essence of comparative culture studies which at present is called “multiculturalism” and it is at this point causes fair criticism.

Obviously, the course will give the students a chance to get acquainted with the subject more closely, understand the essence of the epoch and work out the necessary skills of reading, translating and comprehending the English texts. Quizzes, tests, reference books and chronological tables supplied with instructions will help students master the suggested course and find the sense of historical and cultural development of the studied countries and peoples.

Conclusions

The described issues enable us to draw a conclusion that:

1. New social and economic transformations in Russia call for working out innovative educational programs to meet high aspirations of the society.
2. The innovative educational programs introduced and exploited at Moscow State University of Economics, Statistics and Informatics (MESI) are aimed at learning specific issues of different scientific courses such as world economics - cross-cultural communication, international law - linguistics, which are intended to form a number of competences in the field of economics and cross-cultural communication.
3. The educational process in the frame of the innovative programs proved the necessity of including professional cross-cultural communication at the Economic Russian university conducted in English.
4. The new master’s program presents a new type of interdisciplinary educational programs that don’t follow the frame [1 plus 1] but emerges to demonstrate a brand new type of the master’s programs.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

Лутеро Татьяна
Tatiana Lutero

Функциональная эквивалентность: воссоздание коммуникативного эффекта при переводе художественного текста (на материале произведений А. Барикко на итальянском языке и их переводов на русский язык)

Functional Equivalent: the Recreation of the Communicative Effect While Translating a Literary Text in the Novels by A.Baricco (in the Italian language and Russian translations)

Аннотация: В статье анализируется важность воссоздания коммуникативного эффекта и способы его осуществления в переводах на русский язык произведений итальянского писателя А. Барикко; анализируется роль коммуникативного эффекта текста в рамках основных теорий перевода; дается определение понятия функциональной эквивалентности; анализируется взаимоотношение между понятиями эквивалентности и адекватности. В качестве одного из самых важных параметров для достижения эквивалентности рассматривается понятие функциональное маркирование. Исследование и анализ проведены на в качестве примере фрагментов текстов А. Барикко «Мистер Гвин» и «Шелк» и делаются выводы о способах воссоздания коммуникативного эффекта текста в переводах на русский язык.

Abstract: The article deals with the recreation of the communicative effect and the ways of its realizations in the Russian translations of the novels by Italian writer A. Baricco; the role of a text's communicative effect in translation theories is analyzed; a definition of functional equivalence is given; the interrelation between equivalence and adequacy in translation is analyzed; the notion of functional marking is introduced as one of the main parameters for reaching equivalence; some extracts from A. Baricco's novels "Mister Gwyn" and "Silk" are quoted together with the analysis of the ways of recreating the communicative effect of the text in Russian translations; conclusions are made on...

Ключевые слова: перевод, художественный текст, коммуникативный эффект, функциональная эквивалентность, функциональное маркирование, итальянский язык, русский язык.

Key words: translation, literary text, communicative effect, functional equivalence, functional marking, Italian language, Russian language.

Одним из важнейших критериев для выполнения и оценки перевода является **эквивалентность**, т.е. общность содержания оригинала и перевода. Эквивалентность упоминается и обсуждается во всех научных трудах, посвященных теории перевода, тем не менее, различными учеными данному понятию

присваиваются другие названия и само определение эквивалентности характеризуется по-разному.

Коммуникативный эффект как основной критерий для определения эквивалентности перевода

В рамках многих теорий делается утверждение общего характера, что полноценность или **эквивалентность** перевода основывается на исчерпывающей передаче всего смыслового содержания оригинала [Комиссаров, 1980: 52-53]. Однако данное положение не находит эмпирического подтверждения, иными словами, не наблюдаются случаи, когда содержание оригинала полностью отражалось бы и в переводе. Поэтому возникает потребность выявления таких составных частей содержания оригинала, «сохранение которых было бы во всех случаях необходимо и достаточно для обеспечения эквивалентности перевода» [Комиссаров 1980: 56].

Итак, ученые выделяют те аспекты текста, которые с их точки зрения являются ключевыми и которые необходимо реализовать в переведенном тексте. В различных теориях принимаются во внимание предметное содержание текста, его семантический компонент, синтаксические структуры, стилистическая специфика, лексический состав и **коммуникативный эффект**. Последний рассматривается во всех современных теориях эквивалентности, в которых он упоминается также и под другими названиями: установка на читателя, реакция рецептора, коммуникативная цель текста, функциональное предназначение текста, прагматический компонент. В современных теориях чаще всего речь идет о **функциональной эквивалентности**.

Американский лингвист Ю. Найда одним из первых обратил внимание на этот аспект, пытаясь выйти за рамки чисто семантического подхода, который был самым распространенным. В его теории динамической эквивалентности главным критерием является соответствие между реакцией рецептора текста подлинника и реакцией рецепторов перевода [Nida, 1964: 202], когда реакция рецептора понимается как общее восприятие сообщения.

Понятие функциональной эквивалентности получило дальнейшее развитие. Немецкий ученый Г. Йегер разъясняет,

что можно говорить о коммуникативной эквивалентности, когда два текста на двух языках способны вызывать одинаковый коммуникативный эффект, то есть обладают одинаковой коммуникативной ценностью [Jäger, 1975: 87].

Далее, В. Коллер различает несколько разновидностей эквивалентности: это денотативная, коннотативная, текстуально-нормативная, прагматичная и формальная, среди которых переводчик должен устанавливать иерархию под конкретный текст, который он переводит [Koller, 1995: 186-191]. Однако именно коммуникативно-прагматическую эквивалентность неформально одерживает приоритет в связи с тем, что, требуя передачу коммуникативного эффекта текста, данная концепция подразумевает сохранение того коммуникативного аспекта, являющегося ведущим в определенном тексте. Таким образом, прагматичная эквивалентность включает в себя все перечисленные и подразумевает выделения главного среди них аспекта.

Профессор В.Н. Комиссаров так же выделяет разные уровни эквивалентности, которые следует понимать как разные степени смысловой общности между исходным текстом и переводом. Согласно его точке зрения, существует пять уровней эквивалентности, которые берут название с того аспекта, чье сохранение они подразумевают: 1) цель коммуникации; 2) идентификация ситуации; 3) способ описания ситуаций; 4) значение синтаксических структур; 5) словесные знаки [Комиссаров, 1980: 59-100]. Если первый уровень эквивалентности характеризуется наличием первого из выделенных типов инвариантов, каждый следующий уровень добавляет дополнительный инвариант, притом предполагая сохранение предыдущих. Таким образом, первый уровень характеризуется наиболее низкой степенью смысловой близости, а пятый – самой высокой. Очевидно, что и в этом случае коммуникативная эквивалентность (**цель коммуникации**) является самой важной – она единственная, которая обязательно присутствует на всех уровнях эквивалентности.

В модели А.Д. Швейцера используются три измерения семиозиса – синтактика, семантика и прагматика, на основе

которых выделяются три типа эквивалентности: синтаксический, семантический и прагматический [Швейцер, 1988]. Прагматический аспект – неотъемлемой частью эквивалентности вообще – охватывает такие ключевые коммуникативные факторы, как коммуникативная интенция, коммуникативный эффект и установка на адресата.

Исходя из коммуникативной цели высказывания, которую необходимо сохранить при переводе, переводчик осуществляет трансформации, которые не относятся к единой модели и имеют разнообразный характер. Данный тип эквивалентности чаще других встречается именно в переводе художественных текстов, т.к. перевод художественных приемов, передача подтекстовой информации и воссоздание стилистической характеристики текста требуют различных видов трансформации, не всегда обусловленных различием между языками.

Предлагаем следующий пример из романа А. Барикко «Mister Gwyn» и его перевода на русский:

*Si svestì con gesti **secchi**, si alzò e iniziò a camminare per la stanza. Stava lontano da Jasper Gwyn, ma passava accanto agli altri due uomini, **senza guardarli**, dove diavolo li avrà presi, pensò. E coi passi **calpestava** i foglietti di Jasper Gwyn, prima solo passandogli sopra, poi **proprio** stracciandoli con la pianta dei piedi, sentiva **il duro delle puntine** graffiare la pelle – **non le importava**.*

[Baricco, 2011: 81-82]

*Она сняла одежду **сухими, отрывистыми** жестами и стала ходить по комнате. Держалась подальше от Джаспера Гвина, но проходила мимо двоих других мужчин, совсем близко, что за черт, откуда он их выкопал, подумала. **Топтала** ногами листки Джаспера Гвина, сначала просто наступала на них, потом стала рвать подошвами, **ничего**, что **кнопки** впились в кожу.*

[пер. Миролюбовой А., 2014: 113]

Коммуникативный эффект итальянского текста заключается в передаче внутреннего состояния персонажа – героини романа Ребекки, что передается в том числе путем приведения прямой речи без кавычек, использования слов с сильной эмоциональной нагрузкой и нарушения нормативного порядка построения предложений. Хотя данный отрывок текста – описательный, в нем посредственно приводятся мысли Ребекки – текст звучит естественно, язык – живой. Воссоздание коммуникативного эффекта в переводе является приоритетным

и ключевая задача переводчика состоит в правильном подборе языковых средств для достижения этой цели.

Для решения переводческой задачи применены различные виды трансформаций, включая:

– изменение синтаксической структуры предложения, ср.: *sentiva il duro delle puntine graffiarle la pelle – non le importava*, букв. ‘она чувствовала, как жесткие/острые кнопки царапали ее кожу, ей было все равно’ – в переводе **ничего, что кнопки впивались**;

– добавление слов и словосочетания, ср.: *secchi* – в переводе **сухие и отрывистые**;

– пропуск, ср.: *senza guardarli*, букв. ‘не смотря на них’ и *proprio*, букв. в этом контексте ‘прямо’, полностью упущенные; *il duro delle puntine*, букв. ‘жесткость кнопок’, замененное одним словом **кнопки**;

– замена лексических единиц на единицы, отличающиеся от первых по семантической нагрузке, ср.: *calpeitava*, букв. просто ‘наступала’ – в переводе **топтала**.

Таким образом, в приведенном примере синтаксическая и семантическая эквивалентность нарушена, но прагматическая эквивалентность реализована. Как и в этом случае, ради достижения эквивалентности часто переводчик обязан пожертвовать каким-либо аспектом текста.

Если эквивалентность не реализована во всех планах текста, это не означает, что перевод не адекватен. Понятие **адекватность**, также являющееся одним из ключевых в современном переводе, пересекается с понятием эквивалентность, но отнюдь не тождественно ему. Часто встречается характеристика «адекватный перевод» в отношении к качественно выполненному переводу, обеспечивающему необходимую полноту передачи сообщения. Многие исследователи полагают, что адекватность должна рассматриваться по отношению к действиям, предпринятым при переводе, и описывают взаимосвязь между этими действиями, то есть переводческими решениями, и целью перевода. Таким образом, адекватность – динамичное понятие, связанное с переводческим процессом в целом и относящееся к конкретным задачам, установленным переводом, на основе которых

подбираются те характеристики исходного текста, которые являются критериями адекватности по отношению к коммуникативной цели [Dusi, 2000: 37]. Снова коммуникативный аспект текста оказывается приоритетным.

Функциональная эквивалентность

Многие современные исследователи, говоря о **функциональной эквивалентности**, исходят из следующего: перевод должен воспроизводить тот же эффект, на который был нацелен исходный текст, особенно если речь идет о текстах с эстетическим предназначением [Есо, 2010], то есть о художественных текстах. Таким образом, большую важность приобретает вопрос об интерпретации текста: переводчик создает гипотезу о предназначенном коммуникативном эффекте текста и на этой основе предлагает свой перевод. С целью реализации функциональной эквивалентности и, следовательно, адекватного выполнения перевода, переводчик часто прибегает к компромиссным решениям, что неизбежно подразумевает потери в одном или в ином плане. Приведем наглядный пример:

<ul style="list-style-type: none"> – <i>Al bar dello Stafford Hotel, allora.</i> – <i>Alle cinque?</i> – <i>Va bene.</i> – <i>Non farle il bidone.</i> – <i>No.</i> – <i>Te l'ho già detto che ti voglio bene?</i> – <i>Non stanotte.</i> – <i>Sirano.</i> <p><i>Passarono ancora una decina di minuti a sparare boiate. Due sedicenni.</i></p> <p>[Baricco, 2011: 59-60].</p>	<ul style="list-style-type: none"> – <i>Тогда в бар отеля «Стаффорд».</i> – <i>В пять часов?</i> – <i>Хорошо.</i> – <i>Не вздумай жульничать.</i> – <i>Не вздумаяю.</i> – <i>Я уже говорил, что люблю тебя?</i> – <i>Сегодня ночью – нет.</i> – <i>Странно.</i> <p><i>Еще минут десять они обменивались колкостями. Два подростка.</i></p> <p>[пер. Миролюбовой А., 2014: 81]</p>
--	--

В этом фрагменте приводится телефонный разговор между мистером Гвином, главным персонажем одноименного романа, и Томом, его литературным агентом. В качестве основной коммуникативной цели выделим юмористический эффект, а также выражение теплых дружеских отношений между ними. Важнейшими характеристиками текста являются шуточный тон диалога, его ритмичность (короткие, плавно чередующиеся реплики), употребление жаргонных выражений,

которые присутствуют не только в репликах, но и в описании действий.

Переводчик удачно подобрал аналоги в разговорном русском языке, например выражение *fare il bidone* ('кого-то обманывать', часто 'не являться на свидании с кем-то') было переведено на *жульничать*; *sparare boiate* ('говорить глупости') – на *обмениваться колкостями*. При семантическом анализе используемых выражений наблюдается высокий уровень соответствия. Помимо коммуникативного эффекта, в переводе удалось сохранить и семантическую нагрузку текста.

Однако в последнем предложении наблюдаем небольшой семантический сдвиг: *due sedicenni* – *два подростка*. В этом случае переводчик добился эквивалентности на функциональном уровне, но семантическая эквивалентность нарушена – ведь *sedicenne* значит не просто 'подросток', а именно 'шестнадцатилетний ребенок'. Причину такого переводческого решения необходимо искать в первую очередь в узусе этого слова и на итальянском, и на русском языке. В итальянском языке принято называть *sedicenne* человека, который ведет себя легкомысленно, наивно, инстинктивно, иногда глупо, как человек этого юного возраста. На русском языке для обозначения этой же ситуации, как правило, используется слово *подросток*. Вариант *шестнадцатилетний* тоже возможен, но его появление в этом случае более гипотетично и предполагало бы еще ряд языковых трансформаций, в конечном итоге, он «звучал бы странно». В варианте, который предложил переводчик, семантическая эквивалентность частично нарушена, но перевод соответствует главной цели – сохранению воздействия на читателя, поэтому, полагаем, перевод выполнен адекватно.

Также при анализе переводов были сделаны попытки объяснения комментариев типа «звучит странно». Итальянский лингвист и переводчик Л. Сальмон выделяет понятие **функциональное маркирование** и считает его главным параметром для подбора языковых средств при переводе. Она определяет его как степень нейтральности (или, наоборот, «странности») употребления конкретного выражения в

конкретной коммуникативной обстановке [Salmon, Martiani, 2008: 108]. В определенном месте и в определенное время говорящий 1, который состоит с говорящим 2 в определенных отношениях, для передачи определенного сообщения подбирает определенные слова. Например: дома, утром, в наше время, выходя на работу и прощаясь с мужем, жена говорит «*Stema, пока!*». Данное высказывание в заданном контексте является функционально немаркированным: оно нейтральное. Если вместо этих она произнесет слова «*До свиданья, Степан Аркадьевич!*», высказывание не будет соответствовать нормам языкового поведения в этом контексте: иными словами, оно звучит странно, обладает какой-то степенью функционального маркирования. Носитель языка понимает, что что-то не так, он догадывается, что скорее всего жена иронизирует, может быть она шутит или выражает свою обиду по какому-то поводу.

Приведенный пример очень наглядный, но понятие функционального маркирования применяется практически к каждому высказыванию. Для передачи какого-либо сообщения носитель языка имеет в своем распоряжении почти бесконечный ассортимент выражений, но в определенной ситуации его выбор ограничивается всего лишь некоторыми из них, которые адекватны именно данной ситуации. Согласно этой теории, задача переводчика состоит в определении функционального маркирования выражений в тексте и в подборе в языке перевода **функциональных эквивалентов**, то есть таких выражений, которые в заданном контексте в языке перевода функционируют так же, как и выражения в исходном тексте. В приведенной выше в качестве примера коммуникативной ситуации, что бы жена сказала своему мужу, если бы она была итальянкой? В первом случае она, скорее всего, сказала бы «*Ciao, Ste!*» или даже «*Ciao, tesoro!*». Во втором – «*Arrivederci, Dottore!*» или «*Arrivederci, Sig. Aldrighetti!*».

Возвращаясь к анализу перевода приведенного отрывка из «Мистер Гвин» отметим, что эквиваленты подобраны с учетом изложенного принципа функционального маркирования. Как носитель русского языка прокомментировал бы поведение мистера Гвина и Тома? Вероятнее всего он сказал бы, что они ведут себя как подростки, а не как шестнадцатилетние парни.

Обратимся к следующему примеру: это фрагмент диалога между главным героем романа «Шелк» Эрве Жонкур, и его другом, деловым партнером и наставником Бальдабью:

– *Dicono che in Giappone sia scoppiata la guerra, questa volta davvero. Gli inglesi danno le armi al governo, gli olandesi ai ribelli. Pare che siano d'accordo. Li fanno sfogare per bene e poi si prendono tutto e se lo dividono. Il consolato francese sta a guardare, quelli stanno sempre a guardare. Buoni solo a mandare dispacci che raccontano di massacri e di stranieri sgozzati come pecore.*

Pausa.

- Ce n'è ancora di caffè?

[Baricco, 2008: 70]

– *Слышал – в Японии-то война. На этот раз без осячки. Англичане снабжают оружием правительство, голландцы – восставших. Похоже, они сговорились. Пускай, мол, те хорошенько выложатся, а уж мы потом приберем все к рукам и поделим между собой. Французское консульство знай себе приглядывается. Они только и делают, что приглядываются. Эти умники разве депеши горазды строчить про всякие там смертоубийства да про иностранцев, заколотых как барабаны.*

Пауза.

– Кофе еще найдется?

[пер. Киселева А. и др., 2017: 40]

Диалог по большей части парадоксально характеризуется своей монологичностью: Бальдабью рассказывает о ситуации в Японии и отговаривает друга от поездки туда, в то время как Эрве слушает его молча. Бальдабью говорит прямо, без лишних слов, прибегает к разговорной речи, акцентирует внимание на опасности ситуации при помощи лексических единиц насыщенной семантической окраски. Речь Бальдабью хорошо отражает его характер, его отношение к собеседнику и его цель – убедить Эрве не ехать в столь опасное место. В этом заключается основной коммуникативный эффект текста.

Со стороны переводчика заметна попытка сохранить эти характеристики и составить речь Бальдабью такой, какой бы он ее произнес, если бы он был носителем русского языка. Разговорный стиль сохранен при помощи различных элементов: частиц *то, да, мол, уж*; конструкций *пускай, знай себе*; слов и словосочетаний *слыхал, хорошенько, всякие там*. Стали необходимы различные трансформации в семантическом и в синтаксическом плане, в том числе:

– *dicono che*, букв. ‘говорят, что’, переведено на *слыхал*;

– предложение на третьем лице *li fanno sfogare per bene e poi si prendono tutto e se lo dividono*, букв. ‘они дают им

выложиться, как надо, и потом заберут все и поделят между собой’, переведено конструкцией на первом лице *пускай, мол, те хорошенько выложатся, а уж мы потом приберем все к рукам и поделим между собой*;

– предложение *il consolato francese sta a guardare, quelli stanno sempre a guardare* делится на два предложения в русском переводе;

– в переводе добавляется эпитет *эти умники*.

Кроме того, перевод здесь заметно длиннее исходного отрывка текста (ср.: 474 и 424 печатных знаков). В результате перевод заметно отличается от исходного текста, но является эквивалентным в функциональном плане и способным оказать воздействие на читателя, как и оригинал.

Обратим внимание еще на последнюю реплику *ce n'è ancora di caffè?*. Среди других возможным выражений с таким же значением, прежде всего более нейтральное *c'è altro caffè?*, букв. ‘есть еще кофе?’, используемая фраза является функционально маркированной, она более дерзкая и навязчива. Значение одно и то же, но способ выражения отличается. Переводчик предлагает интересное переводческое решение *кофе еще найдется?* – выражение так же употребляется реже нейтрального аналога *есть еще кофе?* и звучит более дерзко, более открыто выражая желание заполнить напиток.

Функциональная эквивалентность при переводе предполагает воссоздание коммуникативного эффекта, важнейшего аспекта художественного текста. Ключевая задача переводчика состоит в выявлении коммуникативного эффекта и в определении функционального маркирования выражений в тексте для дальнейшего подбора эквивалентных языковых средств в языке перевода.

Функциональная эквивалентность является динамическим понятием, так как коммуникативный эффект текста может быть разным – в рассмотренных случаях, например, выражение внутреннего состояния персонажа, юмористический эффект, описание отношений между

персонажами, коммуникативная интенция героя. Достижение функциональной эквивалентности часто подразумевает применение различных языковых трансформаций и принятие компромиссных решений. В результате может наблюдаться нарушение эквивалентности в семантическом и синтаксическом плане, что не влияет на адекватность перевода.

Литература

1. Baricco A. Seta. Milano: Feltrinelli, 2008
2. Baricco A. Mister Gwin. Milano: Feltrinelli, 2011.
3. Барикко А. Мистер Гвин / Пер. с итальянского А. Миролюбовой. СПб.: Азбука, 2014.
4. Барикко А. Шелк и другие истории / Пер. с итальянского Г. Киселева, Н. Колесовой, А. Миролюбовой, В. Петрова. М.: Иностранка, 2017.
5. Dusi N. Introduzione. Per una ridefinizione della traduzione intersemiotica [Dusi N. Introduction. For a Redefinition of Intesemiotic Translation]. Milano, 2000.
6. Eco U. Dire quasi la stessa cosa [Eco U. To say almost the same thing]. Milano, 2010.
7. Jäger G. Translation und Translations linguistics. Halle, 1975.
8. Koller W. The Concept of Equivalence and the Object of Translation Studies. – Target 1 (2) 1995. P. 191 – 202.
9. Nida E. Towards a science of translating. Brill, 1964.
10. Salmon L., Mariani M. Bilinguismo e traduzione [Salmon L., Mariani M. Bilingualism and Translation]. Milano, 2008.
11. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода [Komissarov V.N. Translation Linguistics]. Москва, 1980.
12. Швейцер А.Д. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты) [Shvejtser A.D. Translation Theory (status, issues, aspects)]. Москва, 1988.

Хухуни Георгий Теймуразович
Осипова Анна Александровна
Georgy Khukhuni
Anna Osipova

**Переводной текст как источник истории языка:
«естественный» или «искусственный»?**

**The Translated Text as a Source of the Language History:
“Natural” or “Artificial”?**

Аннотация: Одним из важнейших источников изучения ранних этапов истории языка являются письменные памятники. Помимо различий между письменным и разговорным языком, в случае с переводными текстами следует учитывать и переводческую интерференцию. Однако воспринятое через переводы «чужое» может впоследствии восприниматься как вполне «свое», примером может служить судьба старославянского наследия в русском языке.

Abstract: The written records represent the main evidence of early periods of language history. While studying the translated text, the researcher should take into consideration that the difference from the spoken language is combined with ‘translational interference’. But accepted through translations ‘foreign’ may be converted to ‘aboriginal’ (cf. the Old Slavonic heritage in Russian).

Ключевые слова: текст, перевод, источник, история, язык, естественный, искусственный.

Key words: text, translation, language, source, history, natural, artificial.

В специальной литературе указывалось, что, по мнению американских антропологов, «такие языки, как индейские языки Северной Америки “не имеют истории”». От них не осталось никаких письменных памятников <...>» [Алпатов, 2001: 194].

Разумеется, данное обстоятельство не отменяло сравнительно-исторического изучения подобного рода «неисторичных языков» (хотя такое сочетание и выглядит неким оксюмороном), поскольку – продолжая цитату – «многие американские лингвисты [как и их коллеги, занимавшиеся, другими бесписьменными идиомами – Г.Х., А.О.] занимались, кроме всего прочего, и реконструкцией индейских праязыков» [Там же]. Однако сама по себе приведенная формулировка показывает, что понятие *истории языка* достаточно прочно связано с наличием у него *письменной фиксации*, т.е. памятников, отражающих различные периоды его существования. Кстати, указанный факт приводил компаративистов XIX в. к известному парадоксу. С одной

стороны, они считали необходимым подчеркивать «искусственный» характер письменных памятников, противопоставляя их «естественной» народной речи. При всех разногласиях между представителями, например, натуралистического направления и младограмматиками по многим кардинальным проблемам нашей науки, вряд ли можно говорить о принципиальной разнице между утверждением А. Шлейхера: «<...> наш письменный язык не есть наречие, живущее в устах народа, или спокойное, беспрепятственное развитие более древней формы языка. Наши народные говоры обычно представляются научному наблюдению как выше стоящие по развитию языка, более закономерные организмы, чем литературный язык», – и утверждением его оппонентов К. Бругманом и Г. Остхофом: «То, что нам известно о древних индоевропейских языках по дошедшим до нас памятникам, является языком, настолько подвергшимся литературному влиянию (слово “литературный” понимается здесь в самом широком смысле), что мы вряд ли можем говорить о знании устного, самобытного, непритязательного каждодневного языка древних греков и римлян <...> буквы всегда представляют собой лишь грубые и неумелые, а зачастую и вводящие в заблуждение отображения звуков живой речи <...> Именно <...> живые народные говоры имеют большое значение для методологии сравнительного языкознания <...>» [Звегинцев, 1964:116; 190 – 191]. Эту же мысль несколько десятилетий спустя высказал А.А. Шахматов, подчеркивавший, «что изучению памятников должно предшествовать изучение живого языка, что в основание всяких научно-лингвистических построений должны быть положены факты живого языка и что факты языка письменного могут быть рассматриваемы только как дополнительный материал, освещающий и подтверждающий тот процесс, который определяется сопоставлением данных, извлекаемых из живых наречий» [Шахматов, 1910: 10].

С другой стороны, языки, историю которых было возможно изучать исключительно по «живым народным говорам», оказались, как уже отмечалось, в положении «языков, не имеющих истории», а возможности ее постичь у

исследователя было гораздо меньше, чем когда речь шла об идиомах, располагавших «вводящими в заблуждение отображениями звуков». В этом отношении слова о том, что «младограмматики в своей научной практике были непоследовательны и вопреки своим декларативным заявлениям много внимания уделяли изучению именно древних языков <...>» [Звегинцев, 1964: 185], несмотря на некоторое упрощение реальности, имели под собой некоторое основание. Но, вероятно, без этой «непоследовательности» им вряд ли удалось бы вообще создать те работы, которые стали классикой компаративистики. А о том, что «дополнительный материал» может порой играть основную роль при решении весьма важных вопросов, касающихся исторической эволюции, наглядно свидетельствует замечание А. Мейе: «Если бы мы знали о латинском только то, что можно найти в романских языках <...> мы не имели бы никакого представления о склонении <...>» [Мейе, 1954: 20] (а о том, какое значение оно имело в латинском, вряд ли требуется говорить подробно).

Однако при рассмотрении вопроса о «естественности»/«искусственности» письменных источников (а иначе говоря – об объективности той информации о прошлом, которую лингвист может в них почерпнуть) приходится принимать во внимание и другую сторону вопроса – характер самих памятников. Здесь в силу вступает еще один фактор – фактор так называемого «переводческого языка».

Если отвлечься от того негативно-оценочного значения, которое получило это понятие в работах специалистов по художественному переводу (см., в частности, [Витренко, 2017]), то приходится говорить о проявлении во вторичном тексте интерференции, вызванной влиянием исходного языка на переводной, причем реализоваться она может на различных уровнях языковой структуры. Иными словами, когда речь идет о переводных произведениях, на указанную «литературность» наслаивается не только лингвистическая «чуждость», но и «чуждость» (по терминологии В. фон Гумбольдта – «die Fremdheit an sich erscheint, und vielleicht gar das Fremde verdunkelt» [Humboldt, 2012: 83]). Причем если в лексике наблюдается как прямой перенос (варваризация), так и

калькирование, то, например, во фразеологии в подавляющем большинстве случаев имеет место именно калькирование.

О калькировании и его роли в развитии языка одному из авторов настоящей статьи доводилось писать в соавторстве с И.И. Валуйцевой [Валуйцева, Хухуни, 2014]. В данной работе же нас занимает несколько иной аспект указанного явления.

И здесь хотелось бы сделать небольшое отступление. Говоря о трудах, предшествовавших появлению компаративистики, в числе прочих называют известный труд И.Х. Аделунга и И.С. Фатера «Митридат, или общее языкознание» (Mithridates oder allgemeine Sprachkunde, 1806 – 1817, подробнее об этой работе см. [Волошина, 2014]). Упоминание о нем носит, как правило, весьма критический характер, причем чаще всего ссылаются на то обстоятельство, что – цитируем известный не одному поколению отечественных филологов учебник А.А. Реформатского – «правильная мысль показать различие языков на связном тексте осуществлена на переводе молитвы «Отче наш» <...> для большинства языков мира – это фантастический искусственный перевод» [Реформатский, 1996: 393].

«Фантастичность» и «искусственность», по всей вероятности, усматривается в том, что христианская молитва переводилась во многих случаях, во-первых, на языки, не имевшие письменной традиции (т.е. ее действительно пришлось «изобретать»), во-вторых, в том, что носителям «экзотических» языков была чужда отраженная в ней религиозно-культурная система, наконец, в-третьих, в том, что никаких эквивалентов для использованных в ней образов местные идиомы, естественно, не имели, вследствие чего создатели текста вынуждены были прибегать к искусственному конструированию слов и оборотов, в результате чего полученный результат давал весьма искаженное представление о соответствующем языке.

Спорить с приведенными положениями, конечно, не приходится. Однако, если перейти от «экзотических» идиомов к более привычным, то, думается, трудно будет отрицать, что при последовательном проведении данной точки зрения «фантастической» и «искусственной» придется признать репрезентацию ранней истории достаточно большого

количества языков. Примером могут служить германские и славянские языки, где в качестве своего рода «точки отсчета» берутся факты готского и старославянского соответственно. Однако при этом исследователи всегда оговаривают, что и в том и в другом случае речь идет опять-таки не о фиксации «естественной» речи восточных германцев или южных славян, а именно об «искусственном» языке, экстраполировать данные которого на «живой» язык современников (В)ульфилы или солунских братьев приходится с весьма большой осторожностью. О первом писали, что он «так обращался со своим языком, ‘как будто он был греческим’» (цит. по [Скардилы, 2012: 111]). О втором А. Мейе заметил: «Состав этого письменного языка, с одной стороны, дает лингвистам почти эквивалент общеславянского, а с другой – представляет для них существенные затруднения: славянские народы, принадлежащие к восточной церкви, усвоили его как язык религиозный и превратили <...> в искусственный язык, называемый церковнославянским» [Мейе, 2001: 7]. Причем, и здесь подчеркивалась определяющая роль переводческой интерференции, обусловленной влиянием греческого языка: «Церковнославянский был, как об этом хорошо сказал историк русского языка Александр Исаченко, по своему существу греческим языком <...> материал дописьменного племенного языка был только материалом, речевой плотью, в которую переводчики, равноапостольные Кирилл и Мефодий, вдохнули совершенно другой, новый, греческий дух. <...> Мы можем себе представить переводческую работу Кирилла и Мефодия таким образом: они брали греческое слово, которое совпадало с каким-то славянским в своем «нижнем», вещественном значении, и как бы сцепляли два эти слова <...> Язык, который получился в результате таких смысловых прививок, можно назвать в определенном смысле искусственным <...>» [Седакова, 2013].

О том, какого рода влияние указанная «искусственность» может оказывать на трактовку некоторых моментов, связанных с изучением истории языка (и не только в лексическом плане), можно заключить по тому, как освещаются, скажем, некоторые вопросы развития грамматического строя русского языка в трудах различных исследователей. Так, в большинстве

исторических грамматик можно встретить, например, понимание форм двойственного числа в древнерусском как вполне «естественных» («Древнейшие русские памятники свидетельствуют о регулярном и правильном по значению употреблении форм двойственного числа <...> в современных говорах [т.е., как раз «естественных» формах существования языка, согласно приведенным выше взглядам представителей классической компаративистики – Г.Х., А.О.] сохранились определенные следы его, в разных говорах в различной степени» [Борковский, Кузнецов, 1965: 217 – 219]). Аналогично квалифицируется и система прошедших времен («Система времен древнерусского языка эпохи древнейших памятников содержала <...> аорист, имперфект, перфект и давнопрошедшее время» [Борковский, Кузнецов, 1965: 266]). С другой стороны, встречаются и утверждения противоположного характера: «<...> мы с полным основанием можем утверждать, что древнерусский (восточнославянский) язык не знал сложной системы прошедших времен (аорист <...> имперфект <...> перфект <...> плюсквамперфект <...> Традиционно считается, что двойственное число как живая грамматическая форма, которую знал и язык бытового общения, существовало до XIV – XV вв. <...> Однако материал уже самых ранних грамот позволяет предположить, что древнерусский язык, по крайней мере XII в., не знает живой грамматической категории двойственного числа» [Ремнева, Савельев, Филичева, 1999: 13].

Разумеется, авторы данной статьи не ставили перед собой задачу предложить какое-либо решение данного вопроса. Однако думается, рассмотренные примеры могут служить наглядным свидетельством того, что само противопоставление «естественного» и «искусственного» в историческом развитии языка, во многих случаях носит относительный характер, поскольку пришедшее через переводы «чужое» может, как известно, настолько прочно укорениться в языке, что воспринимается уже как вполне «свое». Как отмечал еще М.В. Ломоносов, во многом так и произошло с первоначально «искусственно введенными» в славянский оборот греческими элементами: «С греческого языка имеем мы великое множество слов русских и славянских, которые для переводу книг сперва за

нужду были приняты, а после в такое пришли обыкновение, что будто бы они сперва в российском языке родились... При сём хотя нельзя прекословить, что сначала переводившие с греческого языка на славянский не могли миновать и довольно остеречься, чтобы не принять в перевод свойств греческих, славенскому языку странных, однако оные через долготу времени слуху славенскому перестали быть противны, но вошли в обычай. Итак, что предкам нашим казалось невразумительным, то нам ныне стало приятно и полезно» [Ломоносов, 1952: 49]. В свою очередь, хорошо известна и судьба самого церковнославянского наследия в русском языке, который, говоря словами Б.А. Успенского, «характеризуется органическим сплавом церковнославянских и русских по происхождению элементов» [Успенский, 1994: 184]..

Литература

1. Алпатов В.М. История лингвистических учений. М.: Языки славянской культуры, 2001. 368 с.
2. Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М.: Издательство «Наука», 1965. 556 с.
3. Валуйцева И.И., Хухуни Г.Т. Калькирование как средство развития языка. // Актуальные проблемы преподавания русского языка как иностранного в вузе. Материалы Третьей международной научно-методической конференции. М.: Издательство МГИМО-Университет, 2014. С. 43 – 49.
4. Витренко А.Г. Переводческий язык и грамматика текста. Электронный ресурс. [URL] // Режим доступа: <http://konesh.ru/a-g-vitrenko-perevodcheskij-yazik-igrammatika-teksta.html>. Дата обращения 10.03.2017.
5. Волошина О.А. «Митридат» Аделунга и теория происхождения языка. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. №3 (1). Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2014. С. 320 – 326.
6. Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Часть 1. М.: Учпедгиз, 1964. 466 с.
7. Ломоносов М.В. Полн. Собр. Соч. Т. 7. Труды по филологии, 1739–1758 гг. – М.: Издательство АН СССР, 1952. 996 с.

8. Мейе А. Общеславянский язык. М.: издательская группа «Прогресс», 2001. 500 с.
9. Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М.: Издательство иностранной литературы, 1954. 100 с.
10. Ремнева М.Л., Савельев В.С., Филичева И.И. Церковнославянский язык: Грамматика с текстами и словарем. М.: Издательство МГУ, 1999. 231 с.
11. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
12. Седакова О.И. Церковнославянский язык: слова для смыслов. // Православие и мир 24.05.2013. Электронный ресурс. [URL] // Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/cerkovnoslavyanskij-yazyk-v-russkoj-kulture/>. Дата обращения 12.03.2017.
13. Скардильи П. Готы: Язык и культура. СПб.: Филологический факультет СПбГУ: Нестор-История, 2012. 388 с.
14. Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI - XIX вв). М.: «Гнозис», 1994. 240 с.
15. Шахматов А.А. Курс истории русского языка. Часть 1. СПб.: Литогр. Издание, 1910 – 1911. 407 с.
16. Humboldt W. Einleitung zu «Agamemnon». Электронный ресурс. [URL] // Режим доступа: <http://users.unimi.it/dililefi/costazza/corsi/2011-2012/Humboldt.pdf>. С. 80 – 85. Дата обращения 11.03.2017.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Мамонова Татьяна Анатольевна
Tatiana Mamonova

О понятиях «познавательный интерес», «мотив», «мотивация» в современной лингводидактике

To “Learning Interest”, “Motive” and “Motivation” in Modern Theory of Education

Аннотация: В статье анализируется понятие «познавательный интерес» в работах отечественных и зарубежных психологов и педагогов; выделяются уровни и стадии его развития. Отмечается особенность познавательного интереса выступать в качестве мотива учебной деятельности, подчеркивается роль мотивации, которая приводит к активизации познавательных процессов.

Abstract: This article deals with the analysis of the notion “learning interest” in works of Soviet, Russian and foreign psychologists and educationists; the levels and stages of its development are described. The learning interest is partially treated as a motive for the learning activity, and the result of motivation.

Ключевые слова: интерес, познавательный интерес, мотив, мотивация.

Key words: interest, learning interest, motive, motivation.

Современная система российского образования предъявляет высокие требования к подготовке выпускников школы. На это указывают Федеральные государственные образовательные стандарты основного общего и среднего (полного) общего образования, которые ориентированы на становление личностных характеристик выпускника: ученик «...активно и заинтересованно познающий мир, осознающий ценность труда, науки и творчества; умеющий учиться, осознающий важность образования и самообразования для жизни и деятельности, способный применять полученные знания на практике;...» [ФГОС ООО, 2010: 3]; «...готовый к сотрудничеству, способный осуществлять учебно-исследовательскую, проектную и информационно-познавательную деятельность; ...мотивированный на образование и самообразование в течение всей своей жизни» [ФГОС СПО, 2012: 5].

Анализ педагогического опыта свидетельствует о том, что в процессе обучения возникает ряд проблем связанных с формированием вышеперечисленных характеристик. Среди главных причин, препятствующих успешному становлению обучающегося как личности и замедляющих процесс социализации будущего выпускника, – отсутствие познавательного интереса к обучению и снижение мотивации к осознанному выбору профиля обучения для реализации жизненных планов.

В течение длительного времени учёные и практики (Е.Н. Ильин, А.С. Макаренко, З.И. Равкин, В.А. Сухомлинский, Г.И. Щукина и др.) пытались решить проблему того, как сделать обучение привлекательным, создать положительную обстановку обучения, пробудить интерес к познанию.

В психологической литературе интерес как сложное личностное образование имеет различные трактовки:

«**Интерес** (англ. interest) – потребностное отношение или мотивационное состояние, побуждающее к познавательной деятельности, развёртывающееся во внутреннем плане <...>. В «Психологическом словаре» (1931 г.) Б.Е. Варшавы и Л.С. Выготского **интерес** определяется как эмоционально окрашенная установка, вызванная положительным отношением к предмету или деятельности и направленная на процесс» [Мещеряков, Зинченко, 2003: 206].

Интерес – это специфическая направленность личности, «сосредоточенность на определённом предмете мыслей, помыслов личности, вызывающая стремление ближе ознакомиться с предметом, глубже в него проникнуть, не упускать его из поля своего зрения» [Рубинштейн, 2002: 692].

Интерес - это «специфическая форма проявления познавательной потребности, обеспечивающая направленность личности на осознание целей деятельности и тем самым способствующая ориентировке личности в окружающей действительности. Субъективно интерес обнаруживается в эмоциональном тоне, который приобретает процесс познания, во внимании к объекту интереса» [Маклаков, 2012: 512].

Американский психолог, автор книги «Психология эмоций» Кэрролл Э. Изард отмечает, что «**интерес** – позитивная

эмоция, она переживается человеком чаще, чем прочие эмоции. Интерес играет исключительно важную мотивационную роль в формировании и развитии навыков, умений и интеллекта. Интерес – единственная мотивация, которая обеспечивает работоспособность человека» [Изард, 2000: 80].

Таким образом, с точки зрения психологии интерес - это эмоционально окрашенная установка и отношение, мотивирующее и побуждающее личность к сосредоточению на определённом предмете познания.

Во второй половине XX века проблема интереса была изучена и обоснована с точки зрения педагогики коллективом ученых (В.Н. Максимова, Ф.К. Савина, И.Г. Шапошникова и др.) Ленинградского университета им. Герцена под руководством Г.И. Щукиной. Важнейшей областью интереса, по мнению Г.И. Щукиной, является *познавательный интерес*. Он направлен на познавательную деятельность, в ходе которой происходит «овладение содержанием учебных предметов и необходимыми способами или умениями и навыками, при помощи которых ученик получает образование» [Щукина, 1979: 76].

Так, были выделены определенные уровни развития познавательного интереса:

- первый или элементарный уровень представляет собой «открытый непосредственный интерес к новым фактам, к занимательным явлениям, который фигурирует в информации, получаемой учениками на уроке» [там же: 97];
- второй или более высокий уровень требует «поиска, догадки, активного оперирования имеющимися знаниями, приобретаемыми способами» [там же], поскольку в этом случае интерес направлен на познание «существенных свойств предметов или явлений, составляющих более глубокую и часто невидимую внутреннюю силу» [там же];
- третий уровень сопряжен с исследовательской творческой деятельностью, с выявлением причинно-следственных связей и закономерностей.

В своём труде «Педагогические проблемы формирования познавательного интереса учащихся» (1988 г.) Г.И. Щукина выделила и стадии развития познавательного интереса:

1) *Любопытство* – элементарная стадия, которая обусловлена внешними обстоятельствами, привлекающими внимание человека. На этой стадии ученик довольствуется лишь ориентировкой, связанной с занимательностью предмета или ситуации. Любопытство не подлинное стремление к познанию, но служит толчком к формированию познавательного интереса.

2) *Любознательность* – ценное состояние человека, которое характеризуется стремлением ученика проникнуть за пределы увиденного. Интерес выражается в эмоциях удивления, радости познанного, удовлетворённости деятельностью.

3) *Познавательный интерес* характеризуется познавательной активностью, четкой избирательной направленностью учебных предметов, мотивацией, в которой особое место занимают познавательные мотивы.

4) *Теоретический интерес* связан с познанием сложных теоретических вопросов и проблем, а также с использованием их как инструмента познания [Плашкова, электронный ресурс].

Анализ работ педагогов и психологов (Н.Г. Морозова, Г.И. Щукина) показывает, что познавательный интерес в учебном процессе может зачастую выступать как мотив учебной деятельности.

Мотивом, по мнению советского психолога И.А. Зимней, является побуждение к достижению цели; «запускным механизмом всякой человеческой деятельности: будь то труд, общение или познание» [Зимняя, 1991: 34]. Советский психолог Н.Ю. Войтонис определял **мотивы** как «внутренние, побуждающие человека к действию и поступкам факторы» [Цит. по: Равкин, 1972: 19]. В учебном процессе, по мнению А.К. Марковой, **мотив** – «это направленность школьника на отдельные стороны учебной работы, связанная с внутренним отношением ученика к ней» [Маркова, 1983:19].

В статье В.А. Давыденко «Историко-педагогический анализ идей педагогического стимулирования учения школьников (середина 70-х – середина 80-х гг. XX в.)» выделяются две группы психологических мотивов: познавательные и социальные. Так, познавательные мотивы, связанные с содержанием учебной деятельности и процессом её

выполнения, представлены (З.И. Васильева, Н.В. Кузнецова, А.К. Маркова, Г.И. Щукина) следующими видами:

- широкими познавательными мотивами (ориентация на овладение новыми знаниями – фактами, явлениями, закономерностями);
- учебно-познавательными мотивами (ориентация на освоение способов добывания знаний, приёмы самостоятельного приобретения знаний);
- мотивами самообразования (ориентация на приобретение дополнительных знаний и затем на построение специальной программы самоусовершенствования).

Социальные мотивы, связанные с различными социальными взаимодействиями школьника с другими людьми, включают в себя (Л.И. Божович, П.М. Якобсон и др.):

- широкие социальные мотивы (долг и ответственность, понимание социальной значимости учения);
- узкие или позиционные мотивы (стремление занять определённую позицию в отношениях с окружающими, получить их одобрение);
- мотивы социального сотрудничества (ориентация на разные способы взаимодействия с другим человеком).

Формирование мотивов познавательной деятельности приводит к активизации познавательных интересов, поэтому современные педагоги и психологи придают большое значение изучению и формированию *мотивации*, которая является результатом «...внутренних потребностей человека, его интересов и эмоций, целей и задач, наличия мотивов, направленных на активизацию его деятельности» [Додонов, 1994: 128].

Согласно определению советского психолога А.Н. Леонтьева *мотивация* – это «то, что является единственным побудителем направленной деятельности, есть не сама по себе потребность, а предмет, отвечающий данной потребности. Предмет потребности – материальный или идеальный, чувственно воспринимаемый или данный только в представлении, в мысленном плане, мы называем мотивом деятельности» [Леонтьев, 1972: 144].

По В.Н. Мясищеву, «**мотивация** – это сложное сочетание эмоциональных и рациональных, личных и принципиальных, объективных и субъективных, непосредственных и опосредованных, внутренних и внешних мотивов» [Мясищев, 1987: 142].

Следовательно, мотивация – это совокупность побудителей (мотивов), включающие в себя интересы, цели, потребности, убеждения, ценностные установки и идеалы, которые направлены на активизацию деятельности человека.

Таким образом, интерес – главный эмоционально окрашенный фактор, вызывающий определённое отношение к учебному предмету и познавательную активность обучающегося, формирующий желание к познанию. Важнейшей областью интереса является познавательный интерес, направленный на процесс познания и способствующий успешному овладению содержания учебных предметов и определённых умений и навыков. Благодаря этому познавательный интерес в учебном процессе может выступать мотивом учебной деятельности. Мотив – внутренний фактор, «запускной механизм», заставляющий человека достигать поставленную цель. Мотивация деятельности обучающихся является одним из основных компонентов целостного педагогического процесса, который активизирует школьников на выполнение конкретных видов познавательной деятельности.

Литература

1. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б.Мещеряков, В.Зинченко, - СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2003. – 627 с.
2. Давыденко В.А. Историко-педагогический анализ идей педагогического стимулирования учения школьников (середина 70-х – середина 80-х гг. XX в.). // Сибирский педагогический журнал. – 2007. - №4 – С.220-228.
3. Додонов Б.И. Структура и динамика мотивов деятельности. // Вопросы психологии. - 1994. - №4 – С. 126-130.
4. Зимняя И.А. Психология обучения иностранным языкам в школе. – М.: Просвещение, 1991. – 238 с.

5. Изард К.Э. Психология эмоций / Перев. с англ. — СПб.: Издательство «Питер», 2000. — 464 с.
6. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. – М.: Изд-во МГУ, 1972. - 575с.
7. Маклаков А.Г. Общая психология [учебное пособие для вузов и слушателей курсов психологических дисциплин]. – Издательский дом «Питер», 2012. – 582 с.
8. Маркова А.К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте: Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1983. – 96 с.
9. Мясищев В.Н. Проблема отношений человека и её место в психологии // Вопросы психологии. – 1987. - №5 – С. 142 – 157.
10. Плашкова О.О. Наследие педагогов-ученых прошлого: Г.И.Щукина (1908-1994). [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.pedagogika-cultura.ru/po-rubrikam-3/vydayushchiesya-sootechestvenniki/plashkova-o-o-nasledie-pedagogov-uchenykh-proshlogo-g-i-shchukina> (дата обращения: 13.04.2017 г.)
11. Равкин З.И. Стимулирование как педагогический процесс (основы общей теории) // Проблемы педагогического стимулирования и методологии исследования истории советской школы: Сб. ст. / Под ред. З.И. Равкина. – Йошкар-Ола: Марийский гос. пед. ин-т, 1972. – С. 9–76.
12. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии – Издательство: Питер, 2002. - 720 с.
13. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования второго поколения. – М.: Просвещение, 2010. – 50 с.
14. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования второго поколения. – М.:Просвещение,2012. – 45с.
15. Щукина Г.И. Активизация познавательной деятельности учащихся в учебном процессе. Учеб. пособ. для студ. пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1979. – 160 с.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Абрамова Елена Ивановна
Elena Abramova

Социолингвистическая обусловленность английского диалекта южного пембрукшира как «островного»

Sociolinguistic Conditionality of English South Pembrokeshire Dialect as an Island Dialect

Аннотация: В статье рассматривается формирование английского диалекта Южного Пембрукшира как обусловленный этническими, географическими, политическими, социальными, религиозными и экономическими факторами. Делается вывод об «островном» характере диалекта, сформировавшегося в анклав валлийского языка, в связи с наличием архаичных элементов и незначительном влиянии валлийского языка.

Abstract: The article discusses the ethnic, geographical, political, social, religious and economic conditions which contributed to the development of South Pembrokeshire English dialect. The author defines the dialect as an island or enclave dialect which preserves archaic elements in the Welsh language environment.

Ключевые слова: Южный Пембрукшир, диалект, архаизм, «островной» диалект, социолингвистика, формирование диалектов, зона английской лингвокультуры.

Key words: South Pembrokeshire, dialect, archaism, island dialect, sociolinguistics, dialect formation, Englishry.

Под островным диалектом понимают диалект, «находящийся в окружении другого языка или других диалектов и резко отличающийся по своим языковым чертам от других диалектов этого же языка». Своеобразие островного диалекта объясняется «особенными социально-историческими условиями, определившими физическую или культурно-языковую изоляцию и тем самым сохранение специфических архаических или появление дивергентных языковых признаков [1, 2006: 159]». Безусловно, нельзя отрицать контактное влияние территориально близких языков и других диалектов.

В данной статье рассматривается один из островных диалектов Уэльса – английский диалект графства Пембрукшир. Цель рассмотрения диалекта в социолингвистическом плане состоит в выявлении обусловленности языковых особенностей диалекта его «островным» статусом. Данное исследование

помогает понять особенности развития и взаимодействия языков и диалектов, оказавшихся оторванными от диалектного континуума.

Этнографический парадокс диалекта Южного Пембрукшира выражается в том, что он является неким анклавом английского языка в окружении валлийского языка и уэльского варианта английского языка. Диалект принадлежит к юго-западной группе английских диалектов, имеет много общих черт с рядом диалектов Англии и сохраняет архаичные черты, присущие английскому языку раннесреднеанглийского до-чосеровского периода.

Графство Пембрукшир, которое находится на юго-западе Уэльса, на побережье Кельтского моря, традиционно в культурно-языковом плане делится на две части – северную, валлийскую, и южную, английскую, между которыми проходит при отсутствии административной географическая граница. Несмотря на бóльшую удаленность от Англии по сравнению с другими графствами Уэльса, это место называется «Маленькая Англия вне Уэльса» вслед за Дж. Оуэном, который в 1603г., когда английский язык был здесь доминирующим, в своей книге «Описание Пемброкшира», отметил: «Большая часть страны говорит по-английски и не пользуется валлийским. Имена людей чисто английские, фамилии в каждой семье построены по английскому образцу. Их здания выглядят по-английски в городах и деревнях, если не построены отдельно. Их еда такая, которую едят англичане, обычно говядину. По этим причинам и ввиду того, что большинство из их предков прибыли из Англии, можно назвать эту землю Маленькая Англия внутри Уэльса [Cramsie, 2015: 285]».

Говоря об истории появления в Южном Пембрукшире (ЮП) своеобразного диалекта, упомянем, что это место также называется *Garden of Wales* ввиду плодородия почв, на чем основывалось благополучие жителей ЮП, и красоты места, всегда привлекавшего потоки колонизаторов, представителей разных лингвокультур [Kelsall, 2016: 47].

Норманнско-английское вторжение в Уэльс в XII веке лингвистически и культурно изменило Пембрукшир, разделив его на две части, разница между которыми до сих пор не

нивелирована. Фламандцы, искавшие защиту у короля Англии, прибыли сюда с норманнами в 1108 г. по морю, и построили крепости, отгородившись от валлийцев. Таким образом, начиная с XII в. население этого места было своеобразным «плавильным котлом» скандинавского, ирландского, норманнского и фламандского под английским социальным и лингвистическим влиянием в борьбе против валлийцев [7, 1992: 104].

В начале XIX века, в связи с открытием порта и доков, разработкой шахт, развитием рыболовства и прибрежной торговли в ЮП переселились носители других английских диалектов из южной Англии, графств Девон и Сомерсет. Диалект ЮП в урбанизированных районах графства стал исчезать, в то время как сельские районы сохранили свой архаичный английский диалект.

Следующее упоминание уникальности английского диалекта ЮП встречаем у П.В. Харриса в 1930 г.: «По многим параметрам язык Южного Пемброкшира самый удивительный в Британии, и, благодаря удаленности графства, самый чистый в последнее время. Есть много слов до-чосеровского периода, которые уже давно вышли из употребления в других местах, а некоторые распространенные слова все еще имеют старое произношение [Harris, 2016: 50]». Этот факт указывает на отсутствие смешения языков и населения, несмотря на столетия существования английского языка в окружении валлийского. Граница *Landsker* (*sker* – скан. граница) *Line* между *Englishry* и *Welshry* (термины для обозначения языковой, культурной и генетической принадлежности английскому и валлийскому социуму), англоговорящим и валлоговорящим социумом в Пембрукшире не сдвинулась в течение веков, разделив однажды и навсегда разные языки и культуры на валлийцев (*up the Welsh*) и носителей английского языка (*down below*). Как показано, данная обособленность нашла отражение в метаязыке. Также причиной территориальной, культурной и лингвистической раздробленности графства была религия: валлийцы поддерживали нон-конформистскую церковь, в то время как жители юга графства были католиками или англиканами, по этой причине межкультурные браки не поощрялись.

В настоящее время английский диалект ЮП идентифицируется как один из пяти просторечных акцентов английского языка в Уэльсе, идентифицируемых на бытовом уровне [Garrett, 2011: 59] и характеризуется следующими чертами, отражающими социальную историю его развития:

1. наличием архаизмов среднеанглийского периода, которые отсутствуют в стандартном английском,
2. скандинавским влиянием, что обнаруживается в более чем 100 топонимах, топонимах, *Amblesstone*, *Thornton*, *Gumferston*, *Wulfscastle*, в лексических единицах из диалектов территории Данелаг или Датского права (Восточная Англия, Мерсия, Нортумбрия), а также в небольшом количестве слов, присутствующих в северных шотландских диалектах, что указывает на скандинавский след,
3. наличием наибольшей по сравнению с другими английскими диалектами лексики фламандского происхождения [8],
4. влиянием валлийского языка, проявляющемся в плане фонетики и грамматики,
5. наличием лексики из других диалектов английского языка, носители которых массово мигрировали в ЮП,
6. относительной чистотой английского языка в окружении валлийского.

Несмотря на сохранение архаичных черт и незначительное влияние валлийского языка, не стоит думать, что английский диалект ЮП имеет абсолютное сходство со среднеанглийским или RP. В плане консонантизма наблюдаются следующие особенности диалекта: несоответствие по звонкости и глухости, использование [n] вместо [ŋ] в конечной позиции, отсутствие реализации некоторых согласных, реализация стандартного [θ] в некоторых случаях как [t] и др. Также наблюдаются различия между гласными фонемами, которые реализуются по-разному в диалекте ЮП и RP, например, [ʌ] вместо [æ] и т.д. [Coupland, 151-153].

Итак, диалект Южного Пембрукшира представляет собой островной диалект как сохраняющий уникальные архаические черты на протяжении тысячи лет в условиях языковых анклавов

и продукт различных диалектных и языковых смешений в процессе культурных и экономических связей. Несмотря на проводимую в Великобритании политику поддержки диалектов как национального достояния, английский диалект ЮП находится под угрозой по следующим причинам. Во-первых, графство привлекает жителей других территорий Великобритании своей красотой, климатом, в результате чего доля носителей диалекта уменьшается за счет миграции населения. Во-вторых, в эпоху глобализации сохранение диалектов становится проблемой в связи с мобильностью носителей различных языков и культур и доминированием глобального языка, который проникает в бытовую сферу как главный оплот диалекта через телевидение, интернет, и другие средства коммуникации.

Литература

1. Словарь социолингвистических терминов. – М.: ИЯ РАН, 2006. – 312 с.
2. Coupland N. English in Wales: Diversity, Conflict, and Change. – Bristol: Multilingual Matters, 1990 – 295 p.
3. Cramsie J. British Travellers and the Encounter with Britain, 1450-1700. – Boydell & Brewer, 2015 – 552 с.
4. Garrett P, UK English in England and Wales: multiple ideologies // Standard Languages and Language Standards in a Changing Europe. Kristiansen T., Coupland N. (eds.). – Oslo: Novus Press, 2011. – P. 57–65.
5. Harris P. V. South Pembrokeshire, Dialect and Place-Names. – Read Books Ltd, 2016. – 80 p.
6. Kelsall, D. The Pembrokeshire Coast Path. – Cicerone Press Limited, 2016 г. – 272 p.
7. The Cambridge History of the English Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – 656 p.
8. Where are the Flemings & // Pembrokeshire historical society. – URL: <http://www.pembrokeshirehistoricalsociety.co.uk/where-are-the-flemings/>

Ахренова Наталья Александровна
Natalia Akhrenova

Интернет и власть: социолингвистический аспект

Internet and Governance: Sociolinguistic Aspect

Аннотация. Интернет является уникальной социокультурной средой, в которую с различной степенью успешности были перемещены основные действия современного человека (покупки, флирт, консультации с медиками и т.д.). Основным преимуществом общения в интернете стала возможность осуществления модели «один-многие». Что сделало интернет особенно привлекательной средой для коммуникации власти и общества: правительств, политических партий, властных структур и т.д. Однако правительства всех стран поняли необходимость контроля и защиты своих граждан в интернете, что нашло свое отражение не только в законодательной системе государств, но и на лингвистическом уровне. В статье выделены основные лексико-семантические поля, которые наиболее ярко выражают взаимоотношение общества и власти в интернете.

Abstract. The Internet is a unique sociocultural environment where everyday actions are performed more regularly by some users than in real life, e.g. communication, shopping etc. The key model of communication on the Internet is “one-many”. This makes the Internet especially attractive for the governance, political parties to communicate with citizens. Nowadays the governments of different countries understood the importance of control and protection of their citizens on the net, which is reflected in both legislative system and vocabulary. In the article the author singles out and describes the main lexico-semantic fields which show the relationship of the society and governance in the Internet.

Ключевые слова: власть, язык, интернет-лингвистика, интернет-дискурс, интернет-коммуникация, лексико-семантические поля.

Key words: governance, language, Internet-linguistics, Internet-discourse, Internet-communication, lexico-semantic field.

Последние три или четыре десятилетия тенденции глобализации, а точнее американизации, все более усиливаются. Традиционно ключевыми индикаторами глобализации принято считать транснациональные компании, международные организации экономического и политического взаимодействия, интернет. Интернет является универсальным действенным инструментом глобализации, благодаря которому стала возможной реальная глобализация не только на политическом и экономическом уровнях, но на социальном и коммуникативном уровнях. Общеизвестно, что интернет появился как проект министерства обороны США в конце 60-х гг. прошлого века как средство внутренней защищенной связи и получил название ARPANET. В конце 80-х годов Национальный научный фонд (NSF), взяв за основу ARPANET, разработал NSFnet для

академического сообщества США, который послужил аналогом современного интернета. Позже были изобретены гипертекст, способный связать множество документов, и технология Mosaic, давшая возможность свободного выхода в сеть. Благодаря этим двум инновациям к концу 80-х – началу 90-х годов интернет стал доступен за пределами США.

Принципиальным отличием интернета от предшествующих ему средств связи стало содержательное изменение существующего до этого принципа коммуникации «один-многие» [McQuail, 1994], в основе которой лежала парадигма «источник-сообщение-получатель» [Морис, Оган, 1996], где отсутствовала обратная связь. Теперь парадигма изменилась на «источник – сообщение – получатель - обратная связь».

Аудитория интернета выросла до огромных размеров, что сделало ее практически неконтролируемой. McQuail D. писал, что «массовая аудитория характеризуется отсутствием самосознания, анонимностью, неспособностью к активным слаженным действиям. <...> Социальная пассивность и личная разобщенность дают возможность для манипулирования ею» [McQuail, 1994, p. 38-39].

Закономерно, что политики и наиболее сильные экономики стали использовать интернет для достижения своих целей. Не только для продвижения идей, культур, языков, но и для разжигания межнациональной розни, вражды, политических провокаций (дезинформирующие избирателей сайты-двойники политиков; хакерские атаки на сайты крупных банков, телекоммуникационных компаний, правительственных структур; банки сетевого компромата на политиков, государственные режимы и т.д.), свержения правительств, установления выгодных для некоторых государств, правительств и режимов.

Подобное противостояние превратило реальную политику в политику образов (политических имиджей), что можно считать частью виртуализации власти. Д.В. Иванов пишет, что: «Реальные личности и деятельность политика необходимы лишь в качестве «информационных поводов», то есть служат своего рода алиби для тех, кто формирует имидж» [Иванов, 2002, с.

103]. Автор также пишет: «Мы живем в эпоху политики образов и образов политики» [Иванов, 2002, с. 103]. Власть общается с гражданами через интернет, создавая образ близости к народу. Для этого создаются порталы, например, «Госуслуги», через которые происходит, например, подача заявлений на изготовление загранпаспорта, можно записаться в школу, в детский сад, на прием к врачу. Также существуют специализированные сервисы, которые помогают гражданам быстрее донести свои проблемы руководителям регионов и городов, такие как: «Активный гражданин» или «Добродел». «Государственная бюрократия (прежде всего министерства, налоговые и иммиграционные службы) теперь также все чаще представлена в сети Internet web-страницами, стимулирующими взаимодействие граждан (или неграждан) с государственными служащими. <...> Однако, здесь потенциал такого рода технологий используется прежде всего для поддержания образа привычного распределения социальных ролей. Посетителям web-страниц предлагаются: регистрация участников, заполнение всякого рода формуляров, голосование по заданной проблеме и т.п. Тем самым в условиях отсутствия реального институционализированного взаимодействия поддерживается образ «действующей организации» или «работающего государства»» [Иванов, 2002, с. 109].

Интернет активно используется в предвыборной борьбе для создания имиджа политика. В этом процессе интернету отводится роль средства политической деятельности, т.к. любая политическая кампания сопровождается созданием специализированных веб-сайтов политиков, страничек в социальных сетях, через которые происходит коммуникация с электоратом, агитация, освещение общественной деятельности политиков, осуществляются различные он-лайн голосования.

Наиболее активной частью интернета можно считать социальные сети и виртуальные сообщества. Это, прежде всего, объясняется тем, что социальные сети становятся активным полем деятельности экстремистов и террористов разного толка, местом активных действий политтехнологов цветных революций, которые формируют сообщества для «наполнения» очередного майдана [Манойло, 2015]. Это становится

возможным благодаря высокой степени политизированности как национальных сегментов, так и глобальных интернет-сообществ. Особенно привлекательными частями интернета становятся блогосфера, социальные сети, мессенджеры, т.к. имена там удовлетворяется стремление молодежи получить первый политический опыт и идеи, начать «политическую социализацию». Такое положение вещей стало возможным благодаря заблуждению о том, что интернет является политически неангажированной средой, в которой возможен истинный плюрализм мнений, т.к. эта среда является труднодоступной для властных структур. По этой причине среди молодежи бытует мнение, что именно интернет формирует истинное гражданское общество в государствах вне зависимости от господствующего режима, что само по себе является мифом и противоречит всем законам и практикам. Именно поэтому оппозиция во всем мире избрала для своей деятельности (агитации, пропаганды) именно интернет, чтобы помочь построить гражданское и демократическое общество.

Психологи, рассматривая социальные сети и различные виртуальные сообщества, отмечают, в первую очередь, для их участников характерны подверженность вирусным реакциям, стихийным всплескам активности (агрессия, радость), подверженность технологиям манипулирования, инстинкту «толпы». Ученые утверждают, что это ничто иное как первобытное желание «сбиться в стаю», дать волю первобытным инстинктам, коллективному эмоциональному состоянию, рефлексам. По этой причине мы можем являться свидетелями иррациональной, стихийной реакции на внешние раздражители и правильно поданные стимулы, которые стимулируются вовремя и грамотно поданной информацией. Манойло А.В. пишет об эволюции групп в социальных сетях следующее: «... зарождаюсь как «клуб по интересам», как группа для общения по определенному спектру вопросов, они по мере роста довольно часто полностью меняют свою повестку и становятся политизированными, поляризованными, демонстрируют часто непримиримую позицию по отношению к тем или иным мнениям или людям, их высказывающим. В их среде действует принцип толпы или стаи: «делай как я» или

«как сказал лидер». При этом лидером этой группы может оказаться вполне себе тщедушный блоггер, абсолютно неприметный в реальной жизни, но при этом создавший себе в виртуальной среде ауру величия и всезнайства. Между этим «вождем» и членами его «стаи», «племени» выстраивается система отношений, характерная для пещерного века» [Манойло, 2016, с. 37, электронный ресурс].

Однако социальные сети и виртуальные сообщества – лишь малая часть тех сегментов интернета, которые могут существенно повлиять на политическую жизнь государства, на его внешнюю и внутреннюю политику.

Положение дел в государстве может быть дестабилизировано через он-лайн СМИ, демотиваторы, ролики и каналы на YouTube, мессенджеры и т.д. Сегодня пришло время гибридной войны, которая ведется на уровне символов, состоящих из гипотез, специальных языковых средств, психологического воздействия, компромата, ущемления интересов и поругания идентичности. Подобная война ведется в равных долях в регионах и на информационном поле. Это также является следствием глобализации.

Столкнувшись с рисками и трудностями, которые сопровождают интеграцию глобальных мировых процессов, многие государства задумались о том, чтобы изменить тактику открытости и прибегнуть к тактике автономности, как на политическом и экономическом уровнях, так и в информационной сфере. Идеи фрагментации интернета стали приобретать все больший охват.

В России о необходимости защиты собственного интернет-пространства задумывались уже давно. Однако правительство перешло к реальным действиям только в 2014 году, в разгар холодной войны 2.0 на фоне событий на Украине и в республике Крым. После выступления Путина В.В. на медиафоруме «Общероссийского народного фронта», где он также высказал тезис о том, что интернет создавался ЦРУ для целей контроля других государств и, что он продолжает развиваться в том же ключе. Закономерно, что вслед за этим последовал ряд мер по усилению государственного контроля над интернетом. Основные пункты, по которым должна

проводиться работа, были отражены в докладе министра связей и массовых коммуникаций Никифорова Н.А. Министр заявил о необходимости перехода под государственное управление коммерческих компаний, управляющих инфраструктурой интернет-связи, таких как: точка обмена интернет-трафиком «Московский Internet Exchange» (MSK-IX), АНО «Координационный центр национального домена сети Интернет» (администратор доменов .ru, .рф) и АО «Технический центр Интернета» (обслуживает реестр и систему регистрации доменов .ru, .рф, .su и поддерживает инфраструктуру Рунета). Также чиновником было высказано предложение создать внутрироссийский интернет, который будет существовать параллельно интернету, по аналогии с интернетом в Китае и в Северной Корее. Где, благодаря технологии «Great Chinese Firewall», невозможен доступ к таким приложениям как WhatsApp, Viber, поисковым системам и почтовым серверам Google и Yahoo; к новостным сайтам североамериканских СМИ и т.д., но всем этим сервисам существуют национальные аналоги, которые контролируются правительством. Однако это не означает, что иностранцы, живущие или приезжающие на долгий период времени в Китай, лишены возможности пользоваться привычными сервисами и сайтами. Для этого необходимо приобрести Virtual Private Network (VPN) за 28 долларов США пользоваться привычным интернетом. Граждане Китая тоже могут получить VPN, но для этого им необходимо получить разрешение специальной правительственной комиссии. Эти меры предпринимаются руководством КНР во избежание нежелательного вмешательства в дела Китая спецслужбами других государств, как это было в Гонконге в 2014 году, когда тысячи людей вышли на улицы после призывов в интернете. Северная Корея ведет более строгую государственную политику в области интернет-технологий. Жители страны пользуются контролируемой сетью «Кванмен», которая не дает доступа к западным серверам и сайта, в отличие от «Great Chinese Firewall».

В 2014 году правительство Российской Федерации ограничилось подписанием закона, предписывающим всем

операторам персональных данных пользователей, включая интерне-компании, обрабатывать и хранить их строго на территории России. Однако работа над мерами защиты наших граждан в интернете на этом не закончилась, так Россия, Китай, Бразилия, Иран, Индия, поняв все плюсы и минусы глобализации, стали отстаивать свой территориальный и культурный суверенитет, объединились для того, чтобы провозгласить «балканизацию» интернета в рамках проекта «Вестфаль 2.0». Россия в рамках сотрудничества ШОС предложила концепцию Конвенции «Об обеспечении международной информационной безопасности», что не нашло понимания в глобальном международном сообществе. Принятие подобных мер предосторожности вызвано заботой о правах человека в отдельно взятых государствах, а также эффектом, который произвели на мировое сообщество «twitter-революции» в ряде арабских государств, которые, по мнению многих, стали результатом «цифровой дипломатии» Вашингтона.

Военное ведомство России, также внесли пункт об интернете в главный документ РФ, регулирующий безопасность на территории нашего государства, в Военную доктрину РФ от 25.12.2014, который гласит, что «наметилась тенденция смещения военных опасностей и военных угроз в информационное пространство и внутреннюю сферу Российской Федерации» [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/bc3ab3b04947fc07f452721c58aacccf873d06b6/].

Несмотря на то, что многие пользователи российского сегмента интернета жалуются на несвободу интернета и приводят пример «открытой» системы США и других европейских стран, мы можем с уверенностью сказать, что интернет без цензуры уже давно миф. Только одни государства, как упомянутые выше Китай и Северная Корея, делают это открыто, а другие, такие как США, Франция, Великобритания, Германия, Израиль и многие другие этого не афишируют. Достаточно только перечислить правительственные акты и законы, которые регулируют интернет и ставят своей целью защитить пользователей внутри страны. При этом подобная

цензура распространяется на ip адреса и домены, созданные не только внутри страны, но и за рубежом.

Так, в Великобритании функцию модератора и регулятора интернет-контента выполняют Фонд интернет наблюдения (Internet Watch Foundation); Совет по безопасности детей в интернете (UK Council on Child Internet Safety). В 2003 году Офисом по коммуникациям был выпущен Акт о Коммуникациях, который жестко регламентирует спектр контента, который возможен для распространения в интернете, а с 2010 года позволяет упомянутым выше правительственным структурам блокировать и/или фильтровать интернет-контент. Кроме того, «Фонд интернет наблюдений» имеет горячую линию, позвонив или написав на которую, любой пользователь может сообщить о вредоносном или запрещенном содержимом, также этот фонд отслеживает телеконференции в интернете, формирует «черные списки», которые направляются интернет-провайдером и специализированному подразделению полиции. Основная работа Фонда сосредоточена на борьбе с сайтами, содержащими детскую порнографию и контент вредный для детского физического, психологического и психического здоровья. Раздел 127 Акта о Коммуникациях выделяет следующие моменты неподобающего использования социальных сетей: 1) отправление или участие в отправлении сообщений и других материалов грубого, оскорбительного или непристойного характера; 2) отправление или участие в отправлении сообщений, содержащих заведомо ложные сведения.

В рамках действия этого акта возможны следующие способы фильтрации контента [Попутчик, Федорова, 2014, с. 18]:

1. Техническое блокирование. Этот метод применяется для ограничения доступа к определенным страницам, домена или IP-адреса в тех случаях, когда объект находится вне прямой юрисдикции властей.
2. Исключение из поисковых результатов. Компании, предоставляющие услуги интернет-поиска и сотрудничающие с государством, могут исключать из поисковой выдачи результаты, адресуемые к запрещенным

или нежелательным ресурсам. Последние в таком случае не блокируются, но найти их становится значительно труднее.

3. Подавление. Это происходит, когда владельцы контента находятся в прямой юрисдикции государства.
4. Инициирование самоцензуры. Предлагает комплекс мер по формированию у конечного пользователя представлений о необходимости самостоятельной фильтрации производимого и используемого контента. В самом распространенном случае осознание такой необходимости имеет в своей основе предположение о постоянном мониторинге сетевой активности со стороны государства.

В Великобритании блокировке подлежат сайты, порталы, пользователи, нарушающие авторские права, причастные или распространяющие детскую порнографию, замечены в пособничестве терроризму. Однако тщательной блокировке в Соединенном Королевстве подвергается только материалы сексуального характера, которые могут быть доступны детям и подросткам, данный контент отслеживается в ручном режиме коммерческим фондом, который имеет договор с правительством. Доступ к частной переписке и к личным данным пользователей может быть получен только после решения суда.

В США первые законы, касающиеся интернет-контента были изданы в 90-х годах и касались они, в первую очередь, материалов порнографического содержания, захлестнувших интернет в самом начале его существования. Необходимо отметить, что все попытки правительства Соединенных Штатов взять под контроль интернет пока не увенчались успехом, так как первая поправка конституции США, в которой провозглашена свобода слова всех граждан, не дает властям такой тотальной власти над сетью.

Однако в стране на данный момент имеют силу четыре закона, препятствующих распространению в интернете информации определенного содержания [<http://opennet.net/research/regions/namerica>]: Communications Decency Act (CDA) (закон, который призван регулировать коммуникацию с целью отслеживания нарушения норм подходящего поведения); Digital Millenium Copyright Act

(DMCA) (призванный следить а соблюдением авторского права в интернете); Children's Internet Protection Act (CIPA) (закон, призванный защищать права детей в интернете); Children's Online Privacy Protection (COPPA) (закон о защите личного пространства и личный денных детей в интернете).

Существует также ряд законов, которые были вынесены на обсуждение и голосование, но до сего момента не были приняты: Cyber Intelligence Sharing and Protection Act (CISPA) (законопроект значительно расширяет возможности правоохранительных органов по борьбе с пиратством, нарушением авторских прав и т.д.); Stop Online Piracy Act (SOPA) (законопроект, предусматривающий меры по борьбе с интернет-пиратством); Deleting Online Predators Act (DOPA) (законопроект, призванный защищать детей во время работы с интернетом в публичных местах в отсутствии родителей); Child Online Protection Act (COPA) (закон, который был принят в 1998 году, но не получил достаточное распространение и фактически не действуют, но согласно этому закону владельцы сайтов с вредным для детей и подростков контентом должны их маркировать). Данные законы и законопроекты не были приняты или не работают исключительно по причине противостояния мощного лобби крупных IT и компьютерных корпораций, таких как Facebook, Google и прочих.

В 2013 году Сенат США принял важный закон, который позволил читать личную переписку пользователей, если прошло шесть месяцев с момента начала переписки. Однако ФБР предпринимает попытки следить за пользователями в режиме реального времени, но опять встречает преграду в лице владельцев компаний и провайдеров, т.к. они по большей части являются частными, поэтому законы США обеспечивают им прочную юридическую защиту.

Поэтому процесс привлечения авторов запрещенного контента к ответственности происходит тогда, когда пользователь обнаружил контент, который по его мнения является запрещенным, затем подал в суд. Только после этого могут быть предприняты действия по его удалению.

Правительство Французской Республики ведет активную борьбу с незаконным интернет-контентом. Основные права по

регулированию этих вопросов возложены на Министерство народного образования, а точнее «Высшему совету по аудио и видео вещанию» (CSA); Министерство внутренних дел, полицию и некоторые коммерческие организации. В 2000 году была введена уголовная ответственность провайдеров за предоставление хостинга не известным пользователям. С прошлого года, в рамках борьбы с террористическими угрозами, было запрещено пользоваться Wi-Fi в публичных местах анонимным пользователям, а также официально запрещены системы типа Tor, которые предоставляют пользователям анонимны доступ в интернет. Все владельцы и дизайнеры сайтов, которые размещены на национальных серверах, обязаны указывать полную информацию о себе. В случае ее несоответствии действительности применяется наказание до шести месяцев тюрьмы. Действие данного закона распространяется и потребителей непроверенного контента.

«С октября 2010 г. во Франции действует Закон о борьбе с пиратством в интернете. Функции надзорного органа в этой сфере исполняет Высший комитет по распространению произведений искусства и защите авторских прав в Интернете (HADOPI). Одна из задач HADOPI – обеспечение соблюдения требований законодательства, направленного на борьбу с правонарушениями в Интернете, в том числе с незаконным скачиванием музыкальных записей и фильмов. Комитет уполномочен направлять пользователям предупреждения в форме электронных сообщений о том, что данный интернет-адрес был использован в целях, которые могут быть наказуемы в соответствии с уголовным законодательством» [Паламарчук, электронный ресурс].

Правительство обязывает интернет-провайдеров Франции заниматься выявлением IP-адресов, с которых осуществляется неправомерная деятельность и сообщать эту информацию в HADOPI.

В составе МВД Франции действует Центральное управление по борьбе с преступностью в области технологий информатики и связи, также контролирующее содержание сайтов в интернете. Для этого существует постоянно дополняемый «черный список» интернет-ресурсов, содержащих

порнографию, расистские, антисемитские ресурсы; также в него входят сомнительные и спорные сайты, которые трудно классифицировать в рамках имеющихся определений, но имеющих явно вредоносный контент. Также можно сослаться на несколько специальных разделов закона LOPPSI 2 (Закон, направленный на обеспечение внутренней безопасности страны», который был принят в феврале 2011 года. LOPPSI 2 регламентирует действия полицейских по борьбе с киберпреступностью. В частности, на сайте РИА новости перечислены следующие меры регулирования и контроля интернета [<https://ria.ru/spravka/20120711/697151590.html>]:

- осуществление обязательной фильтрации сети интернет, для пресечения распространения детской порнографии, на основании составляемых МВД Франции совместно с общественными организациями «черных списков», а также незамедлительного блокирования ресурсов, содержащих детскую порнографию по представлению МВД Франции (без необходимости представления судебного решения);

- введение уголовной ответственности за использование поддельного IP-адреса при доступе в интернет (наказание: лишение свободы сроком на 1 год и денежный штраф в размере 15 тысяч евро);

- введение уголовной ответственности за использование интернета от имени третьих лиц, если это повлекло нарушение их (третьих лиц) спокойствия или посягнуло на их честь и достоинство (наказание: лишение свободы сроком на 1 год и денежный штраф в размере 15 тысяч евро);

- запрет на создание и распространение любыми средствами, в том числе через СМИ, сообщений и других призывов, нацеленных на несовершеннолетнюю аудиторию, к участию в играх, несущих угрозу их физической безопасности;

- легализацию дистанционной установки полицейскими подразделениями на компьютеры лиц, подозреваемых в совершении преступлений, специальных программ, позволяющих регистрировать и передавать в полицию данные о действиях, совершаемых пользователями персональных компьютеров (только после решения суда).

Интересным представляется опыт Канады, где в 2006 году правительством совместно с ведущими провайдерами был представлен проект «Клиффид/Канада» («Чистая связь»), который создан по принципу постоянно пополняемого «черного списка», в который добавляются сайты, содержащие материалы опасные для детей, подвергающие их сексуальной эксплуатации, наносящие вред их психоэмоциональному и психическому развитию. В качестве меры наказания избирается блокировка сайта и IP-адреса и/или доменного имени.

Работа властей Германии по контролю интернет-контента опирается на Закон о распространении материалов вредных для молодежи, который был принят в 1953 году. Статья 1 этого закона призывает включать в список все материалы, которые способны нанести вред нравственному становлению детей и подростков. К подобным материалам принято относить: материалы, содержащие пропаганду насилия, прославление войны, приуменьшение пагубного характера смерти и разрушений, нужды, бедствий, пропаганды нацистской идеологии, расовой ненависти, авторитаризма, милитаризма, дезориентация в сексуальном плане, порнография [<https://ria.ru/spravka/20120711/697151590.html>].

В некоторых странах на государственном уровне существует ряд запрещающих мер по использованию интернет-контента. К этим странам относится, в первую очередь Китай, о котором велась речь в работе ранее. Но необходимо отметить, что помимо технологии “Great Chinese Firewall”, контроль правительства заключается в фильтрации результатов поиска, модерации записей на форумах, блогах и других общественных площадках, контролируется деятельность социальных сетей, осуществлении контроля над азартными играми в интернете. Правительством Китая была создана «Он-лайн армии голубых мундиров», которая занимается отслеживанием и принятием мер по удалению и модерации нежелательного контента.

В Белоруссии также работает комплекс мер по контролю интернета. Основным законом, принятым для этой цели можно считать закон «О мерах по совершенствованию

использования национального сегмента сети интернет». Согласно этому закону на территории государства категорически запрещено посещение ряда сайтов, в основном порнографического характера; компании и предприниматели, зарегистрированные в Белоруссии, обязаны использовать только сайты в национальной доменной зоне BY. Надзор над соблюдением основных положений этого закона возложен на органы внутренних дел, налоговые органы, органы государственной безопасности Комитета государственного контроля.

Интернет жестко контролируется государством в Саудовской Аравии контроль поисковые задачи и личные письма проходят через систему фильтров государственной службы интернет-сервиса. Совет министров запрещает доступ ко многим сайтам, которые чаще всего носят порнографический и экстремистский характер, к сайтам правозащитных организаций, дискуссионным платформам, блогам, ресурсам, содержащим информацию об обороте наркотиков, алкоголе, азартным играм, изготовлению взрывчатых веществ. Также по решению комитета могут быть подвергнуты запрету ресурсы о здоровье, образовании и развлечениях. Однако из сложившейся ситуации жителями был найден выход, который заключается в том, чтобы получить доступ к запрещенным сайтам с помощью телефонов BlackBerry. Государственному контролю и частичной цензуре подвергаются социальные сети: Twitter, Facebook и YouTube. Аналогичная ситуация сложилась в Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ), Иране и Южной Корее, несмотря на то, что последняя является одной из наиболее компьютеризированных стран мира.

Таким образом, мы видим, что действия всех стран и правительств на государственном уровне направлены на защиту всех сфер жизни граждан в интернете. Однако целью нашей работы было проследить, какого рода лексика используется в сегменте взаимоотношений языка и власти. Проанализировав ряд словарей, порталов и публикаций в он-

лайн СМИ, посвященных данной тематике, мы можем с уверенностью утверждать, что большинство лексических единиц этой области принадлежат семантическим полям «защиты прав пользователей и интересов государства в интернете», «кибервойна».

Так, в рамках семантического поля «защиты прав пользователей и интересов государства в интернете» можно выделить следующие микро поля: 1) «защита авторских прав» - digital rights management (DRM) (набор технических средств и программного обеспечения для контроля доступа и копирования контента, защищенного законом об авторских правах); asset (элемент текста или медиа, которые были в электронный формат, который дает право его использовать); in the public domain (книги, фильмы, программное обеспечение и т.д., размещенное он-лайн для безвозмездного публичного просмотра и использования); *plagarhythm* – незаконная загрузка музыки из интернета; 2) «защита прав детей/преступления против детей в интернете» - digital ombudsman (представитель интересов детей в интернете, пост предложен Энн Лонгфилд представителем по правам ребенка в Великобритании); parental control (родительский контроль, т.е. контролирование действий ребенка в интернете как при помощи специального программного обеспечения, так и путем личного участия); «виртуальное» социальное окружение; cyberbullying protection (защита от кибербуллинга); патологический гемблинг (еще один термин для обозначения интернет-аддикции); сексуальное вымогательство (шантаж и запугивание детей их откровенными снимками); grooming (груминг, т.е. действия взрослого человека, который навязывает ребенку дружбу, оказывает поддержку, обманывая, чтобы склонить в сексу или навязать отношения); *tab napping (tab nabbing)* – кража персональных данных интернет-пользователей путем создания фальшивой веб-страницы; 3) «защита государственных интересов в интернете» - digital ambassador (цифровой посол, т.е. человек, который призван

регулировать отношения между государством и ведущими ИТ-компаниями (Google, Apple, Microsoft и т.д.); cybersafety/cybersecurity (кибербезопасность); economic cyberespionage (экономический кибершпионаж); cyberterrorism (кибертерроризм).

Семантическое поле «кибервойна» оязыковляется следующими лексемами: кибервойна (cyberwar/cyberwarfare); кибервойска (cybertroopers); киберармия (cyber army); кибервоин; кибервооружение; войска информационных операций; кибероперация; киберпреступность; киберугроза (cyberthreat); cyberdeterrence (киберзащита, предотвращение киберпреступлений).

Суммируя вышесказанное, можно сказать, что происходит активная политизация интернет-пространства, что объясняется тем, что реальной политике проще вступить в диалог с народом с целью достижения целей в интернете. Понимая это, каждое государство прилагает максимум усилий, чтобы защитить свой государственный строй и людей от воздействия извне, дабы сохранить свой суверенитет, культуру и целостность. Это отражено и в законах различных государств и на уровне лексики, которая вошла в обиход в последние десятилетия.

Литература

1. Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2002. – 224 с.
2. Манойло А.В. «Убить котёнка», или как действуют технологии конфликт-ной мобилизации в социальных сетях // Конфликтология / Nota bene. 2015. № 2. С. 104–107.
3. Манойло А.В. Эволюция информационных технологий и новый пещерный человек/Электронный журнал «Вестник МГОУ»/www.evestnik-mgou.ru. – 2016. - №3. – с. 34-38.
4. Моррис Ч., Оган С. Интернет как масс-медиа // Журнал коммуникации. 1996. № 1. С. 42.
5. Паламарчук А.В. Регулирование правоотношений в сети Интернет в зарубежных странах [Электронный ресурс],

Режим доступа: genproc.gov.ru/upload/iblock/266/int.doc
(Дата обращения: 10.05.2017)

6. Попутчик К., Федорова А. Власть над сетью. Как государство действует в интернете. М.: «Изд-во Алгоритм», 2014. – 310 с.
7. Консультант плюс.
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/bc3ab3b04947fc07f452721c58aacccf873d06b6/
8. <http://opennet.net/research/regions/namerica>
9. РИА <https://ria.ru/spravka/20120711/697151590.html>

СТИЛИСТИКА И АНАЛИЗ ДИСКУРСА

Степанова Наталья Юрьевна
Natalya Stepanova

Экспрессивный потенциал стилистических приемов, реализующих языковую избыточность, в художественном тексте

Expressive Potential of Linguistic Redundancy at the Syntactic- Stylistic Level of a Literary Text

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению различных форм проявления языковой избыточности на синтактико-стилистическом уровне в художественном тексте. Анализ иллюстративных примеров позволяет сделать вывод, что явления, избыточные в плане семантики, становятся важным элементом художественного текста в стилистическом аспекте, усиливают его экспрессивную составляющую и являются эффективным средством реализации юмористической прагматической установки автора.

Abstract: The article focuses on various forms of linguistic redundancy at the syntactic-stylistic level of a literary text. Analyzing the illustrative contexts the author draws a conclusion that the linguistic phenomena which are semantically redundant can prove to be stylistically charged elements of a literary text. They enhance the expressive value of the text and serve as an effective means of implementing the author's humorous pragmatic intention.

Ключевые слова: избыточность, плеоназм, повтор, градация, перифраз, экспрессивный потенциал, информационная насыщенность.

Key words: linguistic redundancy, pleonasm, repetition, gradation, expressive potential, information density.

Явления избыточности в художественном тексте обладают богатым экспрессивным потенциалом. Избыточность определяется в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой как «повторная (многократная) передача одной и той же информации как эксплицитно, так и имплицитно. В последнем случае избыток информации может передаваться либо по традиции, либо для увеличения надежности сообщения» [Ахманова, 2005: 167]. Языковая избыточность может проявляться на всех уровнях языка. На стилистическом уровне явления, избыточные с позиции и говорящего и слушающего (тавтология, плеоназм, дублирование словосочетаний, предложений) – абсолютная избыточность, - усиливают воздействие на слушателя в результате повторов различных

компонентов текста, как в плане содержания, так и в плане выражения.

Весьма мощным средством направленного воздействия на читателя является повтор, который не только позволяет акцентировать повторяющийся компонент смысла, но и обладает широкими возможностями в создании комического эффекта. Причем, зачастую, автору удается реализовать достаточный комический потенциал в пределах одной фразы или микродиалога при минимуме выразительных средств.

*'He said he got tied up at work,' said Jude. 'I said to him, "Listen, you don't have a monopoly on **commitment problems**. Actually, I have a **commitment problem**. If you ever deal with your own **commitment problem** you might be brought up short by my **commitment problem**, by which time it'll be too late."*

*'Have you got a **commitment problem**?' I said, intrigued, immediately thinking maybe I had a **commitment problem**.*

*'Of course I've got a **commitment problem**', snarled Jude. 'It's just that nobody ever sees it because it's so submerged by Richard's **commitment problem**. Actually, my **commitment problem** goes much deeper than his.'*

*'Well, exactly', said Sharon. 'But you don't go round wearing your **commitment problem** on your sleeve like every bloody man over the age of twenty does these days.'*

'Exactly my point,' spat Jude, trying to light up another Silk Cut but having trouble with the lighter.

*'The whole bloody world's got a **commitment problem**,' growled Sharon in a guttural, almost Clint Eastwood voice. 'It's the three-minute culture. It's a global attention-span deficit. It's typical of men to annex a global trend and turn it into a male device to reject women to make themselves feel clever and us feel stupid.'* [Fielding, 1998: 188].

Вышеприведенный пример демонстрирует, что смешное зачастую находится на грани с абсурдным. **Commitment problem** (A man's or woman's state of not being able to be committed to someone mostly for his/her "sexual" reasons.) [www.urbandictionary.com] является психологическим термином, превратившимся в журналистское клише. По запросу в поисковой системе Google было предложено 49 600 000

ссылок на статьи, исследующих причины данного явления и предлагающих советы, как избавиться от проблемы. Многократный повтор выражения **commitment problem** высмеивает злоупотребление подобными клише, подчеркивает тот факт, что из-за постоянного использования средствами массовой информации выражение потеряло свой смысл. Пародийный характер данного контекста акцентируется в последних предложениях, где встречается еще ряд фраз, заимствованных из журналистского лексикона: *three-minute culture, global attention-span deficit, to annex a global trend and turn it into a male device*. Нанизывание этих выражений в небольшом отрезке текста, а также описание манеры, в которой они были преподнесены, *growled Sharon in a guttural, almost Clint Eastwood voice* показывает ироническое отношение к нагнетанию обстановки в СМИ. Комический эффект усиливается за счет контраста между глаголами, имеющими общую сему «произносить злым голосом»: *growl* (to say something in a low angry voice), *snarl* (to speak or say something in a nasty, angry way), *spit* (to say something quickly in a very angry way) и терминологизмами, регистрового контраста между неформальной лексикой и терминологизмами.

Следующий тип конструкций с удвоением – **плеоназм** (от греч. *pleonasmus* «излишество»), дублирование некоторого элемента смысла; наличие нескольких языковых форм, выражающих одно и то же значение, в пределах законченного отрезка речи или текста, а также само языковое выражение, в котором имеется подобное дублирование [Трач, 2007: 184].

He wasn't the type to make elaborate plans – suicide notes and funeral instructions – he wasn't the type for anything fancy. All he asked for was a bit of silence, a bit of shush so he could concentrate [Smith, 2001: 5].

В вышеприведенном примере присутствует анафорический повтор *He wasn't the type*, а также проявление плеоназма во втором предложении. Существительное *shush* образовано путем конверсии от разговорного глагола *shush* (*spoken to tell someone to be quiet, especially by putting your fingers against your lips or by saying 'shush'*). Этот окказионализм является в данном контексте стилистическим синонимом

нейтрального существительного *silence*. Контраст двух существительных, принадлежащих к разным регистрам в рамках плеоназма, а также само наличие окказионализма в контексте, посвященном самоубийству главного героя, создает комический эффект. Он также поддерживается нарушением сочетаемости в первом предложении: прилагательное *fancy* (*having a lot of decoration or bright colours, or made in a complicated way*) [LED: 539] употреблено по отношению к выражениям *suicide notes and funeral instructions*. Весь комплекс приемов позволяет читателю понять, что ситуация с самоубийством не трагична, а, скорее, напоминает фарс.

Усилительный эффект плеоназма можно увидеть и в следующем примере: *'He was earning thousands of pounds an hour. Had a clock on his desk, tick-tock-tick-tock...'* [Fielding, 1998: 208].

Перифраз представляет собой повторное наименование какого-либо предмета с помощью слова или словосочетания, которые способны показать какую-то новую сторону описываемого явления [Разинкина, 2006: 134], троп, состоящий в замене обычного слова описательным выражением [Ахманова, 2005: 312]. Как отмечает Н.М. Разинкина, если перифрастическое выражение понятно вне контекста, его нельзя считать особым стилистическим приемом; тогда это явление простой синонимии. Такие легко узнаваемые перифразы называются традиционными, словарными или языковыми. (*my better half – my wife, a gentleman of the long robe – a lawyer*) [Разинкина, 2006: 134]. Для создания юмористического эффекта важны речевые перифразы, такие как в следующем примере:

*Cannot believe my mother is not more grateful to Mark Darcy for sorting everything out for her. Instead of which he has become part of **That Which Must Not Be Mentioned**, i.e. **the Great Time-Share Rip-Off**, and she behaves as if he never existed* [Fielding, 1998: 296].

That Which Must Not Be Mentioned u the Great Time-Share Rip-Off служат для повторного наименования криминальной истории, в которой оказалась замешана мать Бриджет Джонс из-за романа всей жизни, причем первая фраза сродни эвфемизму,

заменяющему некое табуированное в семье выражение, описывающее «Mother's adultery».

Близок к плеоназму еще один стилистический прием, также реализующий принцип языковой избыточности, - **градация, или нарастание**. Градация принадлежит к числу приемов, основанных на своеобразной синтаксической композиции высказывания. Сущность нарастания состоит в том, что каждое последующее высказывание (или часть высказывания) весомее в логическом отношении, или сильнее в эмоциональном плане, чем предыдущее.

'You're my son, Arshad. I don't employ you not to know. I employ him not to know' – he reached out of the window and slapped Varin, who was negotiating the perilous gutter like a tightrope-walker, giving him a thorough cosh to the back of his head and almost knocking the boy off his perch – 'I employ you to know things. To compute information. To bring into the light the great darkness of the creator's unexplainable universe' [Smith, 2001: 6].

Градация осуществляется в ряду инфинитивов с общей семой «знать/ узнавать, проливать свет». Градационный ряд строится от нейтрального «*know*» через термин «*compute*», к метафоричному поэтическому выражению «*to bring into the light the great darkness of the creator's unexplainable universe*». Кульминацию градации образует фраза, обладающая высокой степенью эмоционально-экспрессивной окрашенности. Увеличивается также и количество зависимых от инфинитива слов – от одного до семи. Впечатление градации усиливается особым ритмико-синтаксическим строением, в данном случае парцелляцией эпифоры.

Л. Витгенштейн писал, что если знак не необходим, то он не имеет значения [Витгенштейн, 1994]. Однако элемент, избыточный в плане семантики, становится важным элементом художественного текста в плане стилистики. Хотя формально описанные выше приемы избыточности снижают информационную насыщенность текста, они многократно усиливают его экспрессивную составляющую и являются эффективным средством реализации юмористической прагматической установки автора.

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд-е 3-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2005. – 579 с.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М.: Территория будущего, 2005. – 440 с.
3. Разинкина Н. М. Практикум по стилистике английского и русского языков: Учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 2006. – 336 с.
4. Трач А. С. Экономия и избыточность сегментных средств в комическом тексте // Логический анализ языка: языковые механизмы комизма/ Российская акад. наук, Ин-т языкознания; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2007. – С. 175-185.
5. Fielding, Helen. Bridget Jones's Diary. Picador, 1998. – 312 p.
6. Longman Exams Dictionary. Pearson Education Limited, 2006. – 1832 p.
7. Smith, Zadie. White Teeth. Penguin Books, 2001. – 548 p.

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, КОММУНИКАЦИЯ

Карасик Владимир Ильич
Vladimir Karasik

Коммуникативная тональность: типы и способы выражения

Communicative tonality: types and means of expression

Аннотация: Рассматривается коммуникативная тональность – эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения. Выделение и описание тональности общения позволяет охарактеризовать дискурс в прагмалингвистическом аспекте. Основанием для выделения той или иной тональности общения является возможность ее интерпретативного определения в виде обстоятельственной характеристики речевого действия. В каждом типе дискурса тональность в определенной мере модифицируется.

Abstract: The paper deals with communicative tonality treated as emotional and stylistic format of communication which emerges during the process of mutual influence of interlocutors and determines their adjusting to each other orientations and their choice of words, expressions and gestures. This approach makes it possible to characterize discourse in a pragmatic aspect. The ground for selection of various tonality types consists in the opportunity to describe a communicative action with an adverbial modifier of manner. Tonality types are discourse specific.

Ключевые слова: тональность, дискурс, речевое действие, эмоционально-стилевой формат, интерпретация.

Key words: tonality, discourse, speech act, emotional and stylistic format, interpretation.

В данной работе рассматривается одна из характеристик установки в общении – коммуникативная тональность. Например, все, что мы воспринимаем в конкретной коммуникативной ситуации, мы трактуем как обычную информацию, либо как пустой разговор, либо как шутку, либо как произведение искусства, либо как идеологически нагруженные сведения, либо как эзотерическое послание и т.д. Тональность восприятия и понимания текста обеспечивает нам единство интерпретации: «целостная интерпретация выполнена в одной тональности» [Демьянков, 1989, с.140].

В научной литературе тональность определяется как психологическая окраска речи, которая может быть торжественной, нейтральной, нейтрально-обиходной и

вульгарной [Тарасов, 1974], как вид субъективной модальности, которая отражает отношение говорящего к тексту, к реципиенту и к самому себе и влияет на формирование смысла текста в следующих разновидностях: «официально», «серьезно», «шутливо», «восторженно», «дружелюбно», «враждебно», «саркастически», «недоверчиво», «безразлично», «пессимистически», «осторожно», «мечтательно», «с грустью», «пренебрежительно», «надменно», «агрессивно», «с отвращением», «настойчиво», «с завистью», «удивленно», «взволнованно», «хвастливо», «с тревогой», «раздраженно», «с обидой», «отрешенно», «радостно», «притворно», «задумчиво», «решительно», «вызывающе», «таинственно», «грубо», «испуганно», «вежливо», «ласково» [Багдасарян, 2000, с.4, 16-17]; как выражение эмоционального настроения в тексте [Хабибрахманова, 2004, с.181].

Приведенные определения и характеристики тональности свидетельствуют о двояком понимании этого феномена: с одной стороны, это эмоциональное отношение к действительности, с другой стороны, это оформление речи в определенном стилевом регистре. Эти определения не противоречат друг другу и дают нам основания считать, что коммуникативная тональность – это эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения. Коммуникативная тональность является культурно-обусловленной и соотносится с принятыми в обществе типами дискурса [Тер-Минасова, 2000].

Коммуникативная тональность в концентрированном виде выражает наш опыт общения. В устном общении готовность воспринимать сказанное в том или ином формате обусловлена обстоятельствами, нашими пресуппозициями о мире и эмпатической настроенностью на коммуникативного партнера.

Общение представляет собой свободно развивающийся процесс в ситуации ежесекундно меняющихся обстоятельств, эмоциональных реакций и мотивов. Признавая некоторую степень непредсказуемости в естественном общении, тем не менее, можно предположить, что существует определенная иерархия возможных реакций на то или иное коммуникативное

действие. Можно построить типологию общения на основании степени предсказуемости перлокутивного эффекта применительно к той или иной ситуации общения (или в снятом виде – применительно к тому или иному тексту) с учетом типов дискурса – лично-ориентированного и статусно-ориентированного [Карасик, 2002].

Приведем пример бытового лично-ориентированного дискурса.

Если школьник говорит родителям: *«Мне сегодня по географии пару поставили»*, то родители в типичной ситуации общения понимают следующее: 1) произошло неприятное событие, 2) это событие носит частный характер, 3) сын доверяет родителям и рассчитывает на их понимание, 4) сын предполагает, что родители будут огорчены, 5) сын ожидает, что родители захотят знать, как и почему это произошло, 6) сын знает, что родители считают его способным и ответственным человеком. Мальчик может сообщить об этом с сожалением либо с беспечностью. В первом случае это может быть действительное огорчение либо упреждающая манипулятивная стратегия, по Д. Карнеги. Во втором случае это либо ценностное понижение события, либо демонстрация внешнего безразличия как способ сохранить лицо. Соответственно, типичная реакция родителей выражается следующим образом: 1) простая эмоциональная реакция (вздых, междометие, дискурсивная формула отрицательного отношения к новостям), 2) эмпатическая реакция (*«Ты не заболел?»*, *«Она <учительница> тебя не любит?»*, *«Трудный материал?»*), 3) критическая реакция (*«Ты совсем учиться перестал!»*, *«Меньше по улице бегать надо!»*, *«Как тебе не стыдно!»*). Критическое замечание может быть выражено в виде иронии (*«Я горжусь тобой»*, *«Прекрасные новости!»*, *«Ура!»*). Разумеется, названные типы реакций могут вербализоваться иначе, но в принципе они сводятся к выделенным трем типам типичного отношения к подобной информации. Нетипичное отношение к соответствующему сообщению свидетельствует о сбое в адекватности восприятия информации.

Если перед нами сведение общения к другой теме или разговору ни о чем, то такое фатическое понижение

информации свидетельствует о безразличии адресата к новостям: *«Ладно, иди обедай», «Кажется, сегодня похолодало», «Ну, как тебе моя кофточка?»*. В более широком смысле такое общение сводится к абсурду, обмену несвязанными друг с другом фразами.

Фасцинирующее восприятие сообщения представляет собой эстетическое переживание содержания и формы текста либо способа его презентации. В обиходном общении людям может нравиться звучание голоса собеседника, таков, например, разговор влюбленных. Применительно к приведенной выше фразе школьника его родители могут, поморщившись, произнести: *«Что ты там бубнишь себе под нос?», «Ты хочешь сказать, что ты получил двойку?»* Фасцинирующая реакция в случае положительного отношения к информации часто проявляется в желании еще раз услышать или прочитать текст, а в случае отрицательного к ней отношения – в критике стиля или манеры передачи информации.

Перевод сообщения в шутку применительно к приведенному ранее коммуникативному фрагменту о двойке по географии может свидетельствовать о широком спектре коммуникативных интенций: это и демонстрация симпатии и поддержки (*«Сейчас пойду и застрелюсь», «Объявляется траур», «Давай уничтожим злую училку»*), и понижение значимости события (*«Теперь весь мир об этом будет говорить», «А в новостях пока об этом не сообщалось», «А как же теперь мы перегоним Америку?»*), и перевод ситуации в нонсенс (*«Молись, несчастный!», «Кровью искупишь свою вину», «Боги нам этого не простят!»*). Обратим внимание на гендерную маркированность подобных реакций: обычно так ведут себя мужчины.

Идеологическое осмысление любой информации типично для людей, остро переживающих свой социальный статус. Приведенная фраза о плохой отметке может получить следующую интерпретацию, выраженную в соответствующей вербальной реакции: апелляция к долгу (*«Ведь ты же пионер!», «Ты позоришь нашу семью», «Ты должен быть первым!»*), происки врагов (*«С бездельниками связался!», «На кого ты смотришь!», «Как ты легко сдался!»*), негативизация будущего

(«Сегодня – «двойка», а завтра – воровать пойдешь!», «Из-за лентяев и двоечников страна погибнет», «Ничего тебе хорошего не светит!»). Часто идеологическая интерпретация выражается в виде контраста: «У соседей – дети как дети!», «Я в твои годы учился только на пятерки», «А Витя Быков тоже двойку получил?»).

Эзотерическая интерпретация предполагает поиск невыраженных смыслов, знаков для избранных. Разумеется, такой интерпретативный ключ применим к ограниченному числу ситуаций и характерен для людей, стремящихся к выходу за грани очевидного и обыденного. Приведенная фраза относится к сугубо обиходной сфере общения, но (как и любое высказывание) допускает эзотерическое толкование («Тебе сегодня на улице никто не встретился?», «Что ж, будем готовиться», «Что тебе сегодня снилось?»).

В бытийном дискурсе представлено множество тональностей восприятия текста. Если бытовое общение протекает обычно в устной форме, и его участники имеют возможность опираться на невербальную информацию, которая непосредственно проявляется в естественном устном диалоге, то бытийное общение преимущественно выражено в письменной форме, и уже одно это обстоятельство требует от адресата активной интерпретативной деятельности. Отметим в этой связи очень важное наблюдение И.Н. Горелова: «Реципиент часто отмечает, что знает, что именно ему собираются сказать, и – гораздо реже – как будет сказано» [Горелов, 2006, с.92]. Именно поэтому, вероятно, интерпретативные девиации в интерпретации коммуникативного ключа столь распространены.

Бытийный текст может иметь разную протяженность, от афоризма до многотомного произведения. Его основной характеристикой является наличие смысла, связанного с фундаментальными ценностями жизни. Практика интерпретации бытийных текстов, обычно художественных, часто сводится к цели, сформулированной в школьном вопросе «Что автор хотел сказать?». Иначе говоря, интерпретатор стремится к раскрытию авторского смысла, который и признается объективным смыслом текста. Предполагается, что существует некая иллюзия, объективно наличествующая в

тексте. Вместе с тем прочитанный мною текст становится моим достоянием, соотносится с моим жизненным опытом и моей системой ценностей. Это противопоставление удачно схвачено в терминах «понятность» и «понимание» текста. Когда мы говорим о понятности текста, то имеется в виду некий содержательный минимум, к которому должны прийти любые адресаты, это соотносимо со значением слова, которое понятно носителю культуры, благодаря чему становится возможной вербальная коммуникация. В этой связи понятность текста есть абстракция, поскольку как для автора, так и для читателя смысл текста богаче, чем содержательный минимум. С.Я. Маршак выразил эту мысль очень точно:

– О чем твои стихи? – Не знаю, брат.

Ты их прочти, коли придет охота.

Стихи живые сами говорят,

И не о чем-то говорят, а что-то.

Понимание текста есть ответ на вопрос: что этот текст значит для меня? Приведем интерпретацию одного из афоризмов.

«Ужасно, когда мудрость приходит раньше, чем счастье».

Содержательный минимум этой сентенции сводится к констатации того, что мудрость сопряжена с трезвым отношением к обстоятельствам и жизненным опытом, который включает и горькие переживания, счастье есть состояние высшей радости, обычно оно связано с молодостью и беспечностью, и поэтому человек, пришедший к мудрости и знакомый с превратностями судьбы, может потерять способность быть счастливым.

Интерпретация в информативном ключе есть формулирование личностного смысла. Прямое информативное понимание этой фразы выражено в строке А.С. Пушкина *«Блажен, кто смолоду был молод»*. Способность быть счастливым дана всем людям, но с годами некоторые ее утрачивают. Счастье считается предназначением человека: *«Человек создан для счастья, как птица для полета» (Короленко)*. Счастье есть субъективное и сиюминутное переживание жизни (*Он сейчас так счастлив*), мудрость же

представляет собой объективное постоянное качество человека (**Он сейчас так мудр*). Нормальная последовательность жизненных переживаний человека сводится к трем этапам жизни с их важнейшими характеристиками: 1) молодость – беспечность, ошибки, счастье, 2) зрелость – воля, испытания, успех, 3) старость – здравый смысл, утраты, мудрость. Разумеется, эти характеристики условны. Но людям всегда было свойственно задумываться над основными характеристиками возраста. Сравним: *Каждому возрасту свойственны свои пороки, молодости – вожделение, зрелости – ссоры, старости – скупость*. Эта сентенция коррелирует с анализируемой фразой и приведенными выше возрастными характеристиками мужчины. Вожделение в определенной мере связано с наслаждением, толкуемым как счастье, ссоры – с испытаниями и волей, а скупость – с утратами материальных ценностей и завистью, которую старики иногда испытывают к молодым. Мудрость приходит не ко всем. Приведу еще одну сентенцию, имеющую отношение к возрасту: *Отцам приходится всю жизнь переживать из-за своих дочерей, в юности – чтобы не связались с дурными людьми, в зрелости – чтобы не ссорились с мужьями, в старости – чтобы не стали колдуньями*. В этой фразе также прослеживается связь с вожделением, ссорами и специфически понимаемой мудростью. Автором последней фразы, несомненно, был мужчина. Тема искажения жизненных этапов волновала многих поэтов: *«Я встретил осень, не прожив весны. Все закрома до осени полны. Год подарил мне тяжесть урожая и, обессилев, облетел, как сад, где не восход я видел, а закат. Я был бы рад не знать того, что знаю»* (Р.Киплинг). Мудрость для человека часто связана с непомерной ношей. Такое понимание мудрости восходит к библейским текстам, где говорится о скорби, связанной с многознанием: *«Сердце мудрого – в доме плача, сердце глупого – в доме веселья»*. Глупость ассоциируется с молодостью, во всяком случае, молодой глупец имеет шанс поумнеть. Возникает вопрос: почему к некоторым людям мудрость приходит досрочно? Мудрость, в отличие от счастья, не приходит как дар, она связана с усилиями человека, который намеренно ускоряет свой жизненный путь, избегает ошибок, свойственных молодости, и

конфликтов, свойственных зрелости, лишает себя права на естественное поведение. Такая преждевременная мудрость приводит к горечи. Подлинная мудрость, однако, основана не на ускоренном прохождении жизненного лабиринта, а на созревании в срок, она оптимистична: *«У всякого глупца хватает глупости для скорби, и лишь мудрец разрывает смехом завесу бытия»* (И. Бабель). Итак, существует подлинная и поспешная мудрость, первая связана с полным прохождением жизни, со всеми ее радостями и горестями, вторая – с ускоренным, конспективным приобретением мудрости, приносящей человеку только страдания.

Интерпретация в фатическом ключе есть использование текста как инструмента для обеспечения правильного, красивого или уместного течения беседы. Целый ряд выражений подходит для успешной аргументации, выгодного самопредставления, или для учебных целей. Фатическая интерпретация текста в данном случае – это его инструментальное освоение. На мой взгляд, здесь уместна ассоциация с характеристикой слова, фиксируемой в пометах: «твань» – диалектное, «бутить» – профессиональное, «чувырла» – просторечное. В газетной статье приводится интервью с популярным актером. *Журналист: «Что Вы хотели бы сказать о Вашей личной жизни? Наши читатели знают, что Ваша жена моложе Вас почти на 30 лет». Актер: «Моя жизнь – это моя жизнь, в ней были и радости, и беды... А Света – я даже и не думал, что у нас что-то получится. Знаете, ужасно, когда мудрость приходит раньше, чем счастье. Мне хочется возвращаться вечером домой».* Приведенная сентенция в контексте интервью используется, на мой взгляд, для самопрезентации. Говорящий конструирует себе имидж умудренного опытом человека, невольно или намеренно свидетельствуя о том, что он сам не совсем верит в свое счастье. С аналогичной целью в иной коммуникативной ситуации приводятся пословицы, популярные речения, отрывки из анекдотов. Например, ответственный работник выступает по местному телевидению и говорит: *«Звучат нарекания в адрес областной администрации, люди жалуются, что из-за перекупщиков цены на рынке слишком выросли. Но это – компетенция муниципалитета, мэр города*

обещал ситуацию исправить. Как говорится, взялся за гуж – не говори, что не дюж». Ведущий с пониманием улыбается. Местные жители хорошо знают о противостоянии губернатора и мэра города, выступающий не упустил возможности отрицательно охарактеризовать руководителя городской администрации. У некоторых публицистов подобное орнаментальное цитирование известных сентенций является способом создания своего индивидуального стиля. Приведу пример из статьи М. Соколова («Известия»).

Бывший советник президента РФ по экономике [А.Н.Илларионов], в течение девяти месяцев после своей отставки пытавшийся сопрягать борьбу за экономическую свободу и пребывание, как выразился президент РСПП А.Н. Шохин, «на российском рынке труда», понял, что эти вещи несопрягаемы, и отбывает продолжать борьбу за океан. Руководствуясь принципом «Мил победитель богам, побежденный любезен Катону», вашингтонский институт, носящий имя славного героя, предложил А.Н. Илларионову ставку старшего научного сотрудника Центра по глобальной свободе и процветанию. Оставляя в стороне название дочерней структуры института – Центр по процветанию звучит почти как Министерство плодородия, – нельзя не порадоваться тому, что советник будет служить в учреждении, посвященном мужу, имеющему так много с ним общих черт – «Уже в детстве А.Н. Илларионов обнаружил качества бескомпромиссного борца за справедливость. С ранней юности, получив сан жреца бога Аполлона, вел умеренный, почти аскетический образ жизни. На Форум часто приходил босой, одетый в тогу на голое тело, что контрастировало с неумеренной роскошью в одежде магистратов». Главное теперь – блюсти умеренность в подражании герою и не бросаться на меч при появлении В.В. Путина в окрестностях Вашингтона. Впрочем, при нынешней остуде в отношениях между РФ и США он вряд ли там и появится.

Публицист иронически сравнивает бывшего советника российского президента с героем древнего Рима, украшая текст классическими цитатами, квазицитатами и аллюзиями, такая стилистика делает автора текста легко узнаваемым.

Фасцинативное осмысление афоризма выражается как оценка: красиво или некрасиво сказано. Например: *«Ужасно, когда мудрость приходит раньше, чем счастье»* – *«Как хорошо сказано! Кто автор?»*. В романе Юрия Полякова *«Замыслил я побег...»* один из персонажей, заведующий складом ремонтных материалов, любил блеснуть афоризмом в разговоре с деятелями искусства, и результат всегда был ощутим:

«Вообразите: вы артист театра и кино, задумчиво разглядывающий чешскую керамическую плитку, за которую вам предстоит переплатить вдвое, а сидящий за конторским столом златозубый мужичок в телогрейке, поигрывая складным метром, вдруг невзначай бросает:

– Прав, прав был чертяка Анатолий Франс! У художника два смертельных врага – вдохновение без мастерства и мастерство без вдохновения...

И вы, потрясенный артист театра и кино, пришедший за дефицитами, тут же приглашаете странного мужичка на свою премьеру».

Со стороны персонажа это – желание самоутвердиться в недоступной для него сфере, со стороны артиста – фасцинативная реакция на мудрое глубокое изречение. Интерпретация в фасцинативном ключе может быть и отрицательно-оценочной. Например: *«Как сказал поэт, В напрасных поисках за ней я исходил земные тропы...»* – *«Не исходил, а исследил, и звали поэта Максимилиан Волошин»*. Говорящий поправляет собеседника, неверно процитировавшего стихотворение.

Шутливая коммуникативная тональность представляет собой создание комической ситуации. Часто комический эффект возникает при состыковке разностилевого материала, высокого и низкого. В наши дни весьма распространены виртуальные романы, которые завязываются и порой долго существуют в Интернет-переписке. Люди общаются с неизвестными им партнерами, часто детально раскрывают свою душу (подобным образом бывают очень откровенны случайные попутчики в купе поезда, знающие, что больше никогда не встретятся). Но иногда виртуальным коммуникантам хочется выйти за рамки своего условного общения и встретиться, как они говорят, «в реале», в

действительности. В ряде случаев встреча в реальном мире подтверждает их ожидания, большей частью же они бывают разочарованы. Представим себе ситуацию, когда в кафе или на остановке троллейбуса должны встретиться двое, которые уже давно пришли заранее, замаскировались в тени и с огорчением отмечают, что человек, с которым хотелось познакомиться, неприятен внешне. Каждый из них допускает такую возможность, и старается прокомментировать ее в шутовском ключе. Здесь уместна приведенная выше сентенция: *Ужасно, когда мудрость приходит раньше, чем счастье*. Мудрость в данном контексте понимается как прозрение. В компьютерной переписке каждый имеет право использовать после письма некий девиз, служащий для создания имиджа. Иногда эти девизы служат своеобразными эмоциональными указателями, ключами для интерпретации любой, самой серьезной информации. Например: *«Все обломалось в доме Смешальских»*. Перед нами шутовская модификация известной, ключевой фразы из романа Л.Н.Толстого *«Все смешалось в доме Облонских»*. В обиходном диалоге муж, желая сделать комплимент своей жене, согласившейся с ним, говорит: *“Great people think alike” (Великие люди мыслят сходно)*. Его жена отвечает: *“Fools seldom differ” (Дураки редко отличаются друг от друга)*. Такая игра на понижение приводит к комическому эффекту. Типичным примером шутовской реакции на вполне серьезный текст является эпиграмма или пародия. Например:

Дополнительные правила русского языка

Слитное и раздельное написание слов «внагляк» и «в натуре»

Для правильного написания слов «внагляк» и «в натуре» следует руководствоваться следующим правилом: ели к проверяемому слову подходит проверочный вопрос «как?» – писать следует слитно. Если к проверяемому слову применим проверочный вопрос «ты чё?» – раздельно (Р. Кривицкий).

Приведенный текст пародирует справочные пособия по русскому языку.

Интерпретация в идеологическом ключе есть позиционирование: свои и чужие, это поиск враждебных прямых и косвенных смыслов и активная, иногда почти

маниакально выраженная интенция объяснять текст или коммуникативное поведение кого-либо, используя заранее заготовленные выводы. Так, с позиций революционного романтизма счастье заключается в борьбе за лучшее будущее человечества, а мудрость представляет собой идеал убогих приспособленцев, стремящихся к покою и благополучию. Отмечу, что в такое отношение к мудрости выражено в русской литературе достаточно ясно (Премудрый пескарь у М.Е. Салтыкова-Щедрина). Эта оппозиция сформулирована в известной поэме М. Горького «Песня о соколе»: *«Рожденный ползать летать не может»*. Сравним: *«Не кланите, мудрые. Что вам до меня? Я ведь только облачко, полное огня. Я ведь только облачко. Видите: плыву. И зову мечтателей... Вас я не зову!»* (К. Бальмонт). Соответственно, сентенцию «Ужасно, когда мудрость приходит раньше, чем счастье» в идеологическом ключе можно трактовать как осуждение мещанской мудрости.

Идеологический ключ может полярно изменять смысл высказывания. Так, известное изречение М. Горького *«Если враг не сдается, его уничтожают»* понималось во время Великой отечественной войны как призыв уничтожать врагов. Однако вдумаясь: прямое толкование этой фразы включает условие – врага следует уничтожать, если он не сдается. В Евангелии есть одно место, которое трудно согласуется с общепринятыми нормами поведения. К Иисусу пришел ученик с просьбой отпустить его, чтобы похоронить умершего родителя. Спаситель не разрешил ему уйти, сказав: *«Иди за мною и предоставь мертвым погребать своих мертвецов»* (Матф., 8:22). Обычно цитируется речение *«Пусть мертвые хоронят своих мертвецов»*. Эта парадоксальная фраза резко противоречит заповеди из Декалога «Чти отца своего и мать свою». Интерпретация этого ответа в информативном ключе характеризует Христа как бессердечного человека. Но в идеологическом ключе под мертвыми понимаются люди, придерживающиеся старых норм поведения, не принявшие нового вероучения. Дело уверовавших – нести свет нового откровения, все остальное не заслуживает внимания. Идеологическая интерпретация текста предполагает в

определенной мере произвольное его толкование. Соответственно, возвращение к содержательному минимуму высказывания есть деидеологизация текста. В 70-е годы двадцатого века на улицах многих советских городов красовался большой плакат с изображением Л.И. Брежнева и надписью: «*Советские люди знают: там, где Партия, там успех, там победа!*». Этот лозунг выражал кредо конформизма со скрытой угрозой: пойдешь против Партии – потерпишь поражение. Интересно отметить, что абсолютизация успеха характерна для англоязычной культуры, там резко отрицательно относятся к неудачникам, этикетка «loser» является знаком неприкасаемых. В России, как известно, неудачников жалеют. В русской культуре успех всегда соотносился с той ценой, которую пришлось за него заплатить. Характерен афоризм: *Победы – истины подлецов*. По сути дела, лозунг, призывавший людей идти за Партией потому, что это безопасно и выгодно, был аморален, с точки зрения критиков господствующей идеологии. Идеологический интерпретативный ключ в силу априорного оправдания определенной позиции прагматичен. Во время войны во Вьетнаме многие американцы протестовали против этой грязной войны, но нашлись и защитники правительства, выступавшие под лозунгом: «*Right or wrong, it's my country*» – «*Права она или нет, это моя страна*». Идеологическое позиционирование в данном случае означает поддержку своей администрации, что бы она ни делала. Замечу, что такая позиция подвергается критике в США, американский писатель Уильям Дин Гоуэлс иронически заметил: «*Как хорошо, что твоя страна всегда права, и даже когда не права, то все равно права!*». В этой связи приведем афоризм: «*Победителей не судят. А зря!*». В первой части содержится известная сентенция о том, что при успешном результате не принято обсуждать средства достижения успеха. Вторая часть афоризма показывает недвусмысленное отрицание этой позиции. Подобные двухчастные афоризмы представляют собой контраст позиций, обычно их первая часть хорошо всем известна и используется как поучение, как констатация правильности определенного положения дел, как подтверждение власти. Вторая часть

критически отрицает первую. Критическая интерпретация, является, на мой взгляд, разновидностью идеологической.

Интерпретация в эзотерической тональности, подобно идеологической, направлена на поиск невыраженного смысла, но, в отличие от нее, не предполагает заранее заданного результата. Эзотерическое толкование – это поиск таких тайных смыслов, которые могут быть условно связаны с общеизвестным значением слов. В известной мере такие тексты парольны, они не поддаются рациональному толкованию с опорой на исходные значения и прямые ассоциативные переносы. Вместе с тем в том или ином высказывании не все слова допускают эзотерическое толкование. Применительно к сентенции *«Ужасно, когда мудрость приходит раньше, чем счастье»* открытые смыслы концентрируются в диаде «мудрость» – «счастье». Например, «мудрость» может означать земную жизнь, право на влияние на судьбы других людей, переход в иное состояние сознания и т.д., а «счастье» – единство с Творцом, полное растворение, рождение и т.д. Эзотерическая интерпретация представляет собой своеобразную смысловую магму в рамках той или иной школы. Смыслы всех слов переходят друг в друга. Эзотерические знаки предназначены для конкретного адресата в конкретной ситуации, они уникальны. В эзотерических школах ставится задача отучить человека от привычной жесткой ориентации в рамках обиходного или научного сознания, человек должен выйти на уровень континуального сознания. Смысл того или иного текста должен приходиться к человеку как озарение, а дискурсивное логическое рассуждение отменяется.

Подведем основные итоги.

Коммуникативная тональность – это эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения. Основанием для выделения той или иной тональности общения является возможность ее интерпретативного определения в виде обстоятельственной характеристики речевого действия. Типичные разновидности коммуникативной тональности – ее ключи – представлены в виде определенной манеры общения. В

каждом типе дискурса тональность в определенной мере модифицируется.

Литература

1. Багдасарян Т.О. Тональный компонент модальности в коммуникации (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Краснодар, 2000. – 23 с.
2. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. – М.: Ком-Книга, 2006. – 112 с.
3. Демьянков В.З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 172 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волго-град: Перемена, 2002. – 477 с.
5. Матурана У.Р., Варела Ф.Х. Древо познания. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.
6. Тарасов Е.Ф. Социолингвистические проблемы теории речевой коммуникации // Основы теории речевой деятельности. – М.: Наука, 1974. – С.255-273.
7. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово / Slovo, 2000. 264 с.
8. Хабибрахманова Ю.Р. Категория тональности в жанре очерка // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т.14. – Екатеринбург: УрГПУ, 2004. – С.179-185..

Леонтович Ольга Аркадьевна
Olga Leontovich

«Две души и единая воля»: позитивная коммуникация в межкультурной семье¹

Two Souls and One Will: Positive Communication in an Intercultural Family

Аннотация: Осуществление позитивной коммуникация в межкультурной семье осложнено тем, что ее участники являются носителями разных языков, культурных ценностей и традиций. Конструктивность и эффективность семейной коммуникации непосредственным образом связаны с уровнем языковой компетентности членов семьи. К механизмам осуществления позитивной коммуникации относятся: 1) положительная

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-34-00016.

интенция, 2) вовлеченность в коммуникацию, 3) умелое использование коммуникативных стратегий; 4) адаптация к собеседнику; 5) социальная поддержка.

Abstract: The achievement of positive communication in an intercultural family is complicated by the fact that its representatives speak different languages and adhere to different values and traditions. Positive communication has to be constructive and effective, which is directly linked to the level of linguistic competence of its members. The mechanisms of positive communication include: 1) positive intentionality; 2) involvement in communication; 3) skilful use of communicative strategies; 4) adaptation to the interlocutor; 5) social support..

Ключевые слова: позитивная коммуникация, межкультурное семейное общение, коммуникативные стратегии.

Key words: positive communication, intercultural family communication, communicative strategies.

«У добрых супругов – две души, но единая воля» – в этих словах Мигеля де Сервантеса заключена идея гармоничного семейного общения. Настоящая статья посвящена межкультурной семейной коммуникации, осложненной тем, что ее участники – носители разных языков, культурных ценностей и традиций.

В основе работы – идея позитивной коммуникации, мало изученной с теоретической точки зрения, в связи с чем она стала темой исследования в рамках грантового проекта «Позитивная коммуникация в контексте современной российской лингвокультуры» под руководством автора данной статьи. Мы трактуем позитивную коммуникацию как совокупность множественных переменных, которые в ситуации живого общения продуцируют новое качество. Она представляет собой взаимодействие, основанное на положительных эмоциях, направленное на взаимопонимание и приносящее удовлетворение всем участникам. Ее конститутивными признаками являются конструктивность (созидательный потенциал), окрашенность положительными эмоциями и эффективность, то есть выигрыш для всех взаимодействующих сторон [см. также Леонтович, 2015; Leontovich, 2014]. К механизмам осуществления позитивной коммуникации мы относим: 1) положительную интенцию, 2) вовлеченность в коммуникацию, 3) умелое использование коммуникативных стратегий; 4) адаптацию к собеседнику и 5) социальную поддержку. В настоящей статье мы рассмотрим специфику

проявления этих признаков применительно к межкультурной семейной коммуникации.

Материалом исследования послужили результаты очного и заочного опроса; устные нарративы, зафиксированные в ходе неформальной беседы; письменные высказывания в Интернет-форумах; тексты из публицистических изданий, научно-популярной, художественной и автобиографической литературы; видеофильмы, посвященные проблемам межкультурных браков [см. Леонтович, Якушева, 2013].

Конструктивность и эффективность семейной коммуникации предполагают достижение взаимопонимания, что самым непосредственным образом связано с уровнем языковой компетентности ее участников.

В американской песне поется: *I tried to say I love you, but the words got in the way* (*Я хотел сказать, что люблю тебя, но помешали слова.* – Здесь и далее перевод мой. – О. Л.). М. С. Пек пишет о том, что во время второй мировой войны многие американские солдаты вступали в идиллические браки с немецкими, итальянскими и японскими девушками (так называемыми *war brides*), не владевшими английским языком. Но когда со временем последние начинали говорить по-английски, браки распадались – выяснялось, что у женщин есть свои цели, чувства и желания, которые не всегда совпадали с целями, чувствами и желаниями их мужей [Peck, 1988: 97].

В большинстве случаев, однако, наличие общего языкового кода многократно повышает шансы межкультурного брака на выживание. И, напротив, обреченными на неуспех часто оказываются союзы, организованные агентствами знакомств, когда люди вступают в брак «вслепую», почти ничего не зная о характере, ценностях и интересах друг друга, так как у них нет общего средства коммуникации.

При недостаточном уровне языковой компетентности супруг, для которого язык общения является неродным, способен беседовать на простые темы, но не может обсуждать отвлеченные, философские вопросы, адекватно выражать свои эмоции и свою идентичность, шутить, вести себя естественно и непринужденно. Кроме того, коммуникант с более высоким уровнем языковой компетентности имеет явное преимущество

перед партнером: ему легче задавать тон беседы, определять ее стиль и манипулировать ситуацией. С другой стороны, овладение чужим языком расширяет когнитивные и аффективные возможности коммуниканта и повышает эффективность его действий в инокультурном окружении.

Важную роль в межкультурном контексте играет выбор языка семейного общения. Если родные языки супругов различны, существует три основных варианта решения этой проблемы: а) доминирование одного языка над другим; б) равноправное сосуществование двух представленных в семье языков; в) выбор третьего языка, не родного для обоих супругов (обычно языка страны проживания семьи или международного языка) [Бондаренко, 2010; Леонтович, Якушева, 2013]. При этом язык функционирует не только как средство общения, но и реализует оппозицию «свое / чужое»: «определенные единицы (слова, обороты, конструкции), наряду с номинативной и оценочной функциями, приобретают свойства символа принадлежности говорящего к данной группе» [Крысин, 1989: 74].

Наше исследование показало, что, несмотря на некоторые сложности, возникающие при использовании двух или трех равноправно сосуществующих в семье языков, (позднее развитие полноценного речетворчества у детей; смешение языков; трудности при обучении детей письменной речи, чтению и т. д.), участники межкультурного семейного общения считают би- и полилингвизм позитивным явлением, способствующим формированию толерантности, широкого кругозора, высокого уровня коммуникативной компетенции, возможности установить дополнительный эмоциональный контакт с ребенком.

Специфика ойколекта (от греч. οἶκος «дом»), то есть «семейного диалекта», возникающего в дружных семьях с устойчивыми традициями речевого общения, заключается в том, что в межкультурном контексте он включает элементы всех используемых языков. Ойколект находится на стыке внутренней и внешней семейной коммуникации и формируется под влиянием телевидения, кино, популярной литературы, местного фольклора [Бондаренко, 2010]. Семейная речевая субкультура

«вбирает в себя различные тексты подобного рода или отдельные фразы, придает им буффонадную, смеховую тональность, характер языковой игры, превращает их в контекстуальные семейные идиомы» [Райс, 2000: 83]. На внутреннем уровне формируется так называемая «семейная этнография» [Капанадзе, 1989], отражающая семейные обычаи, ритуалы, праздники, домашнюю топонимику (названия частей квартиры, значимых предметов мебели и интерьера, одежды, домашней утвари и т. д.).

Члены семьи, успешно изучающие язык супруга или страны проживания, постепенно усваивают и различные аспекты поведения, характерные для соответствующей культурно-языковой группы: *Когда я говорю по-испански, я чувствую, как по-другому напрягаются мышцы у меня на лице и новые, хотя и знакомые, жесты овладевают моими руками. Я замечаю, что пожимаю плечами, откидываю назад голову, что у меня опускаются уголки губ и приподнимаются брови. Я все время прикасаюсь к людям и не возражаю, что они стоят так близко ко мне и выпускают мне в лицо сигаретный дым. Я говорю много и быстро <...>* [Wilson, 1993]. Эти процессы знаменуют собой процесс «вживания» в культурное сообщество, переход из разряда «чужих» в разряд «своих».

Рассмотрим далее механизмы осуществления позитивной коммуникации в межкультурной семье.

Отправной точкой является наличие у индивидуума положительной интенции, то есть настроя на успех коммуникации. Само по себе это еще не гарантирует, что общение обязательно будет позитивным – недаром говорится, что благими намерениями вымощена дорога в ад. Иногда человек вступает в коммуникацию с желанием сгладить противоречия, урегулировать конфликт – но в результате усугубляет ситуацию, не владея базовыми принципами позитивного общения, которые будут описаны ниже. Тем не менее, можно утверждать, что без положительной интенции позитивная коммуникация невозможна. В межкультурном контексте она предполагает отказ от стереотипов и готовность к кооперации с представителями иной культуры.

Еще одной важной составляющей является активная вовлеченность в коммуникацию, сопряженная с эмпатией – сопереживанием, которое проявляется как в собственных коммуникативных действиях, так и в восприятии сообщений со стороны собеседника.

В контексте разных культур средства выражения вовлеченности в коммуникацию могут не совпадать. Так, Д. Таннен отмечает, что в некоторых культурах средством ее реализации становится эффект «перебивания» – «нахлест» конечной фразы одного собеседника на начальную другого. Из-за этого американские антисемиты, пишет Таннен, приписывают евреям склонность к шумному поведению, агрессивности и беспардонности, а афроамериканцев нередко изображают как шумных, невоспитанных и напористых. В тайской, японской, итальянской и ряде других культур одновременное говорение считается нормой. С другой стороны, скандинавам кажется, что американцы перебивают их во время беседы, а финны, привыкшие к более продолжительным паузам, сетуют, что их перебивают шведы и норвежцы [Tannen, 1990: 201 – 202].

Американцы и британцы жалуются, что русские не умеют слушать собеседника. Л. Виссон приводит следующее высказывание русского, женатого на американке: *Меня поначалу злило, что Марго никогда не высказывает своего мнения <...> А потом я понял – она попросту не успевает высказаться. Я ее перебиваю* [Виссон, 1999: 175].

Мощным коммуникативным средством также является молчание, которое может выполнять различные функции: медитативную, риторическую, выжидательную, эмотивно-оценочную, дисконтактную и т. д. [Меликян, 2000]. В различных культурах наблюдается разная степень терпимости к молчанию. В Швеции, Финляндии, Норвегии неразговорчивость оценивается положительно как склонность к рефлексии, свидетельство надежности и честности, а болтливость воспринимается как поверхностность, манипулятивность и нежелание заниматься делом [Daun, 1999]. Для американского разговорного стиля, в свою очередь, характерно отсутствие длительных пауз и стремление заполнять их говорением, как и

для ряда южноевропейских культур (например, Испании и Италии), где коммуникативная активность ценится как проявление эмоциональности, ума и компетентности, а неразговорчивость – как знак того, что человеку нечего сказать.

Разное отношение к молчанию может стать помехой в межкультурной семейной коммуникации, как в следующем примере (союз вьетнамки и австралийца): *Она любила помолчать, а он не переносил молчания. <...> Она считала, что некоторых вещей лучше не говорить, что обсуждения могут приводить к ссорам, в то время как он не понимал того, чего не слышал* [Romano, 2001: 139 – 140].

Важным условием позитивного общения является умелое использование коммуникативных стратегий. Имеются в виду *кооперативные* стратегии, для которых характерны тактики выражения сочувствия, согласия, заинтересованности, благодарности, смягчения, пояснения, в противовес *конфронтационным* стратегиям, включающим тактики дистанцирования, демонстрации превосходства, понижения статуса собеседника, оскорбления, насмешки, коммуникативного противостояния [Черничкина, 2013]. Рассмотрим ниже специфику применения некоторых коммуникативных стратегий в межкультурном семейном общении.

Эксплицитность / имплицитность высказываний имеет непосредственное отношение к способам обработки и передачи информации и зависит от принадлежности коммуниканта к высококонтекстным или низкоконтекстным культурам. Вслед за Э. Холлом [Hall, 1976], ученые неоднократно отмечали, что выходцы из низкоконтекстных индивидуалистских культур (американцы и большинство западноевропейцев) имеют тенденцию выражать свои мысли более прямо и открыто; для них предметы и явления обретают свои очертания, лишь будучи обозначенными словом. В свою очередь, представители высококонтекстных культур (японцы, китайцы, индийцы, африканцы, арабы, финны, испанцы и т. д.) склонны к ритуальности, вежливости, образности и иносказаниям; в их коммуникации высока значимость контекста, пресуппозиций, аллюзий, намеков и интертекстуальных связей.

К. Сторти связывает прямоту американцев с их приверженностью к эффективности действий (*efficiency*) и отсутствием страха «потерять лицо», в связи с чем они готовы нести ответственность за последствия своей прямолинейности [Storti, 1994: 76]. Они не любят «ходить вокруг да около» (*beat about/around the bush*), из-за чего у них нередко возникают проблемы с представителями высококонтекстных культур, например, японцами, для которых «несказанное и подразумеваемое значит намного больше, чем сказанное» [Крылов, 2012].

Русские, имеющие склонность к философствованию и абстрактным размышлениям, часто воспринимают уровень американской конкретики как недостаток воображения и творческого подхода. Наша русская респондентка Ирина следующим образом комментирует общение со своим мужем-американцем: *Я выросла на чтении между строк (таком типичном для застойных годов), на понимании с полуслова, взгляда, на игре языка, на анекдотах, часто абстрактных. Муж никогда не мог и сейчас не может понимать мои недосказанности и, конечно, ему чужды мои аллюзии. Ему надо объяснять то, что было бы очевидно русскому.*

Разный удельный вес эксплицитности и имплицитности может приводить к проблемам в межкультурной семейной коммуникации, что иллюстрируется следующим примером из общения вьетнамки (высококонтекстная культура) и австралийца (низкоконтекстная культура): *Она предпочитала оставлять некоторые вещи недосказанными, потому что обсуждения могли привести к ссорам, а он не понимал того, что не было сказано вслух* [Romano, 2001: 140].

Обращают на себя внимание причудливые формы, которые понятия эксплицитности / имплицитности приобретают в Великобритании. С одной стороны, британская культура традиционно считается низкоконтекстной, как большинство западноевропейских культур; с другой стороны, как отмечает американка С. Лайалл, «в Британии все так закодировано, непрямолнейно и с трудом поддается интерпретации» [Lyall, 2008: 6].

Если американцы склонны к гиперболам, то англичане, напротив, тяготеют к преуменьшениям. К. Фокс пишет, что в речи англичан *not bad* означает *outstandingly brilliant; a bit of a nuisance – disastrous, traumatic, horrible; not very friendly – abominably cruel* [Fox, 2004: 403]. Иностранцев это озадачивает, пугает или сердит. Как узнать, – спрашивают они, – что в устах англичанина означает *not bad* – *absolutely brilliant* или просто *OK*? [Там же, с. 67].

Наша русская респондентка Вера рассказывает, что ее муж-англичанин Нэт характеризует сильные русские морозы как *a bit chilly*, слово *different* использует для негативной характеристики (*this painting is... different*), а категорический отказ выражает фразой *extremely unlikely*.

Важным параметром, определяющим степень комфортности семейной коммуникации, является *выбор модальности речевого сообщения*. Л. Виссон приводит пример из жизни российско-американской семьи, куда по выходным приходил сын мужа-американца, после развода оставшийся жить с матерью. Русская жена хорошо относилась к мальчику, но из-за недостаточного владения нюансами английской речи произносила фразы, дословно переведенные с русского: *It is not allowed to drink soda with ice* (= *Нельзя пить газировку со льдом*); *Don't open the window* (= *Не надо открывать окно*) [Виссон, 2005: 8]. В английском принято использовать модальные глаголы (*should, would, might*), смягчающие указания подобного рода, без которых они звучат безапелляционно и даже грубо, поэтому «однажды американец шутливо спросил свою русскую половину, не служил ли кто-нибудь из ее родителей в полиции. Вопрос так сильно задел молодую женщину, что она несколько дней вообще не хотела разговаривать с мужем ни на каком языке, отвечая на все его извинения за шутку сквозь зубы» [Там же].

В целом различается степень категоричности, считающаяся допустимой в разных лингвокультурах. Уже цитированная выше американская журналистка С. Лайалл, состоящая в браке с англичанином, пишет о том, как ей пришлось адаптировать свои коммуникативные стратегии к британской манере общения: *Я смягчаю свои высказывания*

определениями, оправданиями, извинениями, ненужными наречиями и двусмысленными ироническими замечаниями. Я 'весьма огорчена', 'слегка расстроена', 'немножко несчастлива'. Я думаю, что Гитлер был 'не самый приятный человек в мире'. Когда я вывихнула руку, упав с лестницы в парикмахерской, и лежала пластом с фольгой в волосах, ощущая боль, острее которой не чувствовала никогда в жизни – даже когда рожала детей – то моей самой сильной эмоцией было смущение. Я тоненьким голоском сказала: «Извините, мне немного больно, может быть, через некоторое время мне потребуется скорая помощь» [Lyall, 2008: 10].

Успех интеракции в семье нередко зависит от того, насколько правильно выбраны *регистр* и *тональность* общения. Из-за неформальности и близости семейных отношений коммуникация почти исключительно строится в среднем и низком регистрах. Однако точное попадание в нужный регистр не всегда возможно из-за культурных расхождений и тонкой нюансировки используемых языковых средств.

Высокий регистр также иногда встречается в семейном общении, например, при произнесении тостов во время торжественных мероприятий, таких как свадьба, крестины ребенка, похороны и т. д., но и его использование культурно-обусловлено и вариативно. Например, в России похороны сопровождаются слезами, выражениями горя и скорбным молчанием, в то время как в современных западных обществах эта церемония все чаще проводится как *Celebration of Life* («воспевание жизни»), где могут рассказывать забавные истории из жизни усопшего, читать стихи и исполнять его любимую музыку, что может показаться русскому шокирующим и кощунственным.

Коммуникативная тональность, в свою очередь, трактуется как эмоционально-стилевой формат общения, который возникает в процессе взаимовлияния коммуникантов, определяя их меняющиеся установки и выбор соответствующих средств общения [Карасик, 2007: 80]. Можно вести речь о серьезной, шутливой, драматической, иронической, фамильярной, вульгарной и других тональностях, использование которых обусловлено как ситуацией общения,

так и этнической принадлежностью коммуниканта, как в следующих примерах:

(союз ирландки Дирдры и итальянца Марио) *Стиль Марио был шумным, демонстративным, открытым, прямолинейным, стремительным, напористым и агрессивным. Стиль Дирдры был сдержанным, мягким, уклончивым, настойчивым, тактичным, отрывистым и примирительным* [Romano, 2001, с. 139].

(союз русской Ирины и американца Тома) *В самом начале нашей семейной жизни я <...> приняла очень типичный для русских стиль общения с мужем: несколько небрежный, без должного уважения, без волшебных слов «спасибо» и «пожалуйста». Мне ошибочно казалось, что уже незачем «хвост распускать», все уже на местах. Конечно, я задевала чувства мужа. Я ему очень благодарна за то, что он, не унижая меня и не устраивая сцен, указал мне на это. Я стала замечать вокруг, что нормальные семьи именно так и общаются – с любовью и уважением – и стала еще больше ценить своего американца.*

Окрашенность речевого общения положительными эмоциями в значительной степени опирается на ресурсы того или иного языка. Русский язык, обладающий разветвленной системой аффиксов, способен выражать тонкие нюансы значений, разнообразие эмоциональных оттенков, которые трудно передать средствами других языков, как, например, различия между: *папа, папочка, папуля, папка, папаша* или: *Екатерина, Катя, Катенька, Катюша, Катюха*. В пронизанном эмоциями пространстве межкультурной семьи между супругами, родителями и детьми часто возникает потребность выразить свои чувства, и если неродной язык не позволяет этого сделать, человек испытывает состояние фрустрации. Согласно нашим данным о русско-американских и русско-британских браках, уменьшительные имена и прозвища нередко создаются с использованием паттернов русского языка, даже если языком семейного общения является английский: Джимка (от *Jim*), Томчик (от *Tom*), Миша (от *Mike*).

Характер самопрезентации. Способы выражения в дискурсе собственного «Я» влияют на самопозиционирование супругов в семье и выстраивание семейных отношений.

Американские источники связывают позитивную коммуникацию с ассертивностью (*assertiveness*), предполагающей уверенность в себе, напористость, не перерастающую в агрессивность. Она должна помогать человеку преследовать свои интересы, не посягая при этом на права партнера по общению (*‘pursue one’s own best interests without denying a partner’s rights’*) [Beebe et al., 2014, с. 402]. Исследования показывают, что ассертивность типична для индивидуалистских культур, где ценятся соревновательность, личный успех и независимость [De Vito, 2001, с. 88]. Например, американские студенты проявляют большую степень ассертивности, нежели корейские или японские [Thompson, Klopff].

Но и в ряде западноевропейских культур отношение к ассертивности отличается от американского. Американцы не видят ничего зазорного в том, чтобы хвалить самих себя (*blow their own horn*); британцы же испытывают страх перед возможностью показаться хвастливыми (тем, что в английском языке называется *bragging*) и потому всячески стремятся преуменьшить (*play down*) свои заслуги. С. Лайалл отмечает: *Американцы шумно и гордо заявляют о своей принадлежности к американской нации; британцы шаркают ногами и извиняются за то, что живут в Великобритании. Американцы трубят о своих успехах; британцы хвастаются своими неудачами* [Lyal, 2008, с. 6]. Согласно наблюдениям Г. Хофстеде, аналогичное различие существует между американцами и голландцами [Hofstede et al., 2010, с. 136].

Сказанное выше отражает и русское самосознание: ассертивность не является неотъемлемой частью русской культуры и не рассматривается как желаемая. Заметим, что в русском языке даже отсутствует соответствующее слово (в научном дискурсе используется английское заимствование), то есть само понятие инородно для русской лингвокультуры.

Конфликтность / неконфликтность общения. Культурно-специфические особенности поведения в ситуации конфликта –

сложная проблема, требующая отдельного исследования. Обозначим лишь некоторые ее аспекты, непосредственно касающиеся межкультурных браков: 1) стиль коммуникации, продуцирующий либо предотвращающий конфликт; 2) поведение коммуникантов в ситуации конфликта; 3) ликоповреждающие / ликосберегающие стратегии; 4) пути разрешения конфликта.

Поведение супругов в ситуации семейного конфликта в значительной мере зависит от их культурной принадлежности. Согласно наблюдениям Д. Романо, в одних культурах плач воспринимается как правильное и даже здоровое проявление эмоций, а в других – как постыдное поведение, свидетельствующее о слабости; в одних культурах поощряется выражение гнева, в других ценится самообладание; в одних культурах для снятия стресса прибегают к еде, в других – к крику, молитвам или молчанию [Romano, 2001: 142].

Выход из ситуации конфликта также осуществляется по-разному. Для американцев компромисс – это один их ключевых факторов взаимопонимания, а неспособность его достигнуть – поражение. В еще большей степени это характерно для британской лингвокультуры: *Понятие компромисса глубоко укоренилось в английской психике, – пишет К. Фокс. – Даже в тех редких случаях, когда мы пускаемся в страстные споры, мы обычно приходим к компромиссу* [Fox, 2004: 205]. Русские же рассматривают компромисс как свидетельство слабости, отступление от нравственно обоснованной позиции. Различия в подходах могут усугублять конфликты в семейной жизни, поэтому выработка общих стратегий их урегулирования – необходимый путь к гармонии в межкультурном браке.

Использование юмора – эффективный способ разрешения семейных проблем и важная составляющая позитивного общения, которая, тем не менее, может стать дополнительной коммуникативной помехой в межкультурном контексте. Как писала Вирджиния Вульф: Humor is the first of the gifts to perish in a foreign tongue (Юмор – это первый дар, который погибает в чужом языке).

Для британцев «шутки с серьезным лицом» считаются неотъемлемой частью коммуникации. Американский юмор

менее тонок, более прямолинеен, в нем отсутствуют подтекст, иронические и саркастические нотки. Как пишет С. Пегг, он выражает иной подход к жизни: американцы не боятся выражать свои эмоции, громче хлопают, кричат и сопереживают собеседнику [Pegg, 2007]. Поэтому достаточно часто британцы и американцы не понимают юмора друг друга.

Ситуация еще более осложняется, когда супруги происходят из разных языковых культур, как в следующем примере (союз вьетнамки и австралийца): *Мили часто хотелось плакать от отчаяния, потому что она никогда не понимала, что смешного в шутках Гарри. Его австралийские друзья восхищались его остроумием и удивлялись, почему он женился на девушке, у которой абсолютно отсутствует чувство юмора. Но она умела смеяться; она просто не понимала шуток своего мужа, даже когда ей их старательно объясняли* [Romano, 2001: 136].

В условиях межкультурного брака важным условием позитивного общения становится коммуникативная адаптация к собеседнику, учитывающая расхождения между лингвокультурами. Она означает приспособление, детерминированное возрастом, гендерной принадлежностью, социальным статусом и культурной идентичностью партнера по общению. Адаптация оптимизирует общение, но не должна быть недостаточной, чрезмерной или неуместной [Соколова 2012].

К механизмам позитивной коммуникации также относится социальная поддержка партнера по общению, которую мы трактуем в широком смысле этого слова – как любого рода помощь, оказываемую индивидууму как члену социума. Е. В. Янкина полагает, что такая поддержка может быть оказана на эмоциональном, информативном, материальном и инструментальном уровне; она реализуется через такие коммуникативные жанры как комплимент, похвала, утешение, выражение сочувствия, соболезнование и т. д. (из выступления Е. В. Янкиной на заседании Лаборатории коммуникативных исследований Волгоградского государственного социально-педагогического университета).

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. К механизмам осуществления позитивной коммуникации относятся: а) положительная интенция, б) вовлеченность в коммуникацию, в) умелое использование коммуникативных стратегий; г) адаптация к собеседнику; д) социальная поддержка; все они имеют свою специфику в условиях межкультурного семейного общения.
2. Конструктивность и эффективность семейной коммуникации непосредственно связаны с уровнем языковой компетентности ее участников. Существует три варианта взаимодействия языков в межкультурной семье: а) доминирование одного языка над другим; б) равноправное сосуществование двух представленных в семье языков; в) выбор третьего языка, не родного для обоих супругов (обычно языка страны проживания семьи или международного языка).
3. Специфика ойколекта (от греч. οἶκος «дом»), то есть «семейного диалекта» в межкультурной семье заключается в том, что в межкультурном контексте он включает элементы всех используемых языков.

Основные коммуникативные стратегии, учитывающие межкультурные различия и определяющие успех семейного общения, предполагают умелый выбор: а) степени эксплицитности/имплицитности; б) модальности, регистра и тональности речевого общения; в) средств передачи положительных эмоций; г) способа самопрезентации; д) поведения в ситуации конфликта и е) использования юмора.

Литература

1. Бондаренко (Якушева) Е. В. Межкультурная семейная коммуникация как особый тип общения: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2010.
2. Виссон Л. Чужие и близкие в русско-американских браках. – М.: Р.Валент, 1999.
3. Капанадзе Л.А. Семейный диалог и семейные номинации // Язык и личность.– М., 1989. – С. 100 – 103.

4. Карасик В. И. Дискурсивная персонология // Язык, коммуникация и социальная среда. – Вып. 5. – Воронеж: ВГУ, 2007. – С. 78 – 86.
5. Крылов М. Почему иностранцу трудно написать хороший хайку [Электронный ресурс]. URL: http://www.langust.ru/news/03_01_12.shtml (дата обращения 27.07.2012).
6. Крысин Л.П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) // Язык и личность.– М., 1989. – С. 78 – 86.
7. Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение. – СПб.: Питер, 2001. – 544 с.
8. Леонтович О. А. Позитивная коммуникация: постановка проблемы // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. – 2015. - №1. – С. 164 – 177.
9. Леонтович О. А., Якушева Е. В. Понимание – начало согласия: межкультурная семейная коммуникация. Монография. – Гнозис, 2013. – 224 с.
10. Меликян С.В. Молчание в русском общении // Русское и финское коммуникативное поведение. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – С. 47 – 52.
11. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. – М.: Просвещение, 2000.
12. Соколова М.С. Адаптация к собеседнику в процессе межличностной коммуникации. Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград: Волгоградский гос. социально-педагогический ун-т, 2012.-173 с.
13. Черничкина (Лунёва) О.В. Коммуникативная инициатива в межличностном общении (на материале супружеского дискурса): дис. ...канд.филол.наук. - Волгоград, 2013. - 190 с.
14. Beebe S.A., Beebe S.J., Redmond M.V .Interpersonal communication: relating to others. 7th ed.— Pearson Education, Inc., 2014. — 416 p.
15. DeVito J.A.The Interpersonal Communication Book.— 9th ed. — Adison Wesley Longman, Inc., 2001. — 424 p.
16. Fox K. Watching the English. – London: Hodder, 2004.
17. Hall E.T. Beyond Culture. – Garden City, N.Y.: Anchor Press, 1976.

18. Hofstede G., Hofsterde G.J., Minkov M. Cultures and organizations: software of the mind: intercultural communication and its importance for survival. — New York, etc.: McGraw Hill, 2010. — 561 p.
19. Leontovich O. Positive Communication: Definition and Constituent Features // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2014. - №5 (24). – С/ 123 – 125.
20. Lyall S. A Field Guide to the British. – Glasgow: Quercus, 2008.
21. Pegg S. What are you Laughing at? // The Gaurdian. – 10 February 2007. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/film/2007/feb/10/comedy.television>
22. Peck M. Scott. The Road Less Travelled. – London: Random House, 1988.
23. Romano D. Intercultural Marriage: Promises and Pitfalls. 2nd ed. – Intercultural Press, Inc., 2001.
24. Tannen, D. You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation. – New York: William Morrow, 1990.
25. Thompson C.A., Klopf D.W. An Analysis of Social Style Among Disparate Cultures // Communication Research Reports 8 (June/December). — P. 65 – 72.
26. Wilson B. Trouble in Transylvania: A Cassandra Reilly Mystery. – Seattle: Seal Press, 1993.кая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Павловский Иван Игоревич
Ivan Pavlovsky

Специфика восприятия древнерусских князей в византийских источниках

The Peculiarities of Description of Ancient Russian Princes in Byzantine Sources

Аннотация. В данной статье проводится попытка охарактеризовать специфику информационного отражения образа древнерусских князей в византийских источниках. Особенности византийского восприятия политических лидеров Руси рассматривается в спектре аналогичных процессов у других соседей Руси: европейцев, поляков, скандинавов и других. Синтезируется образ русского правителя со свойственными ему характеристиками в представлении византийских авторов.

Abstract. In this article the author is making an attempt to outline specific characteristics of Byzantine interpretation of images of Russian princes. The Byzantine view on ancient Russian political leaders is compared to the view of other neighbors of the East Slavs such as Europe, Scandinavia, Poland, etc. As a result the author creates an ultimate image of the Russian ruler based on characteristics widely spread in Byzantine sources.

Ключевые слова: Древняя Русь; древнерусские князья; русская история; политическое лидерство; имагология; образы стран и народов.

Keywords: Ancient Rus'; ancient Russian princes; Russian history; political leadership; imagology; images of countries and people

В византийских источниках представлены в той или иной степени почти все правители, интересующего нас периода (за исключением Рюрика). Однако, как ни странно именно

характеристики образа правителя Руси можно встретить преимущественно по отношению к князю Святославу. Остальные правители присутствуют, но не всегда обладают личностными чертами или оценкой со стороны византийского автора. Исходя из проанализированного материала можно отметить следующие черты приписываемые русским правителям: предвидение (в случае с князем Рос, потенциальном Олеге); христианская принадлежность (Ольга и Владимир); нарушение договоров с Византией (Игорь); для Игоря и Святослава общими чертами являются военные поражение от византийцев, причем с подчеркиванием непобедимости росов в сражениях с остальными, печальные последствия для правителей в результате походов против Византии; князю Святославу приписываются дикость, угрюмость, печаль как реакция на военные поражения, гордость за военную славу своего народа, наличие исторической памяти (патриотизм), алчность, корысть, дерзость, вспыльчивость, отвага и смелость, суггестивность, наглость и спесь, гордость, жестокость и свирепость, кичливость, хитрость. Отметим, что выделить какие-либо общие характерные черты, свойственные более чем двум правителям в византийских источниках нельзя. Повторяющимися можно назвать только подчеркивание военных поражений правителей от византийцев и факт крещения правителей. Что касается окончания жизненного пути русских правителей убийством, последовавшим за их походом против Византии, то в силу того, что оба случая (Игорь и Святослав) упоминаются в одном источнике («История» Льва Дякона) отнести к разряду региональных констант не представляется целесообразным.

Среди основных региональных особенностей восприятия образа правителей можно выделить пренебрежение личностями политических лидеров. Как уже было отмечено, раскрытый личностный образ можно встретить только в случае со Святославом Игоревичем, который при анализе общего материала представляется исключением из правил. Что касается остальных, то оценочная информация о них настолько скупа, что не позволяет рассматривать сколько-нибудь целостный образ ни одного из остальных правителей. Как уже отмечалось,

несмотря на наличие объемного фрагмента посвященного княгине Ольге, во всем документе мы практически не встретим ни одной личностной характеристики. Византийцы пренебрегают вниманием к политическим лидерам, но в то же время замещают его интересом и оценками народа в целом. Даже в случае с князем Святославом мы встречаем сравнение князя с характером всего народа: «совратил его (Святослава – И.П.) дарами и очаровал лстивыми речами — ведь все скифское племя необычайно корыстолюбиво, в высшей степени алчно, падко и на подкупы, и на обещания»². Таким образом, необходимо выделить другую особенность византийского восприятия – этноцентричность, то есть в центре внимания византийцев находится, прежде всего, народ. Что касается политических лидеров, то интерес к ним со стороны византийцев по сравнению с другими регионами значительно ниже.

Византийцам свойственно игнорировать тех или иных персонажей в силу неприятия чужих побед и собственных поражений. К примеру, в X веке мы знаем о контактах всех правителей Руси с Византией, из которых самыми интенсивными были военные походы Олега, Игоря, Святослава и Владимира, отдельно отметим крещение княгини Ольги. Из пяти вышеупомянутых правителей в византийских источниках присутствуют трое: Игорь, Ольга и Святослав. Остались без внимания Олег и Владимир. Попробуем объяснить такое положение вещей. Все упоминаемые столкновения русов и византийцев заканчивались довольно успешно для византийской стороны. Поход Аскольда и Дира по византийским источникам закончился «торжеством веры», то есть принятием этими князьями православного вероисповедания³. Поход князя Игоря закончился полной неудачей и продемонстрировал мощь византийских военных технологий. Даже тяжелая для империи Ромеев война со Святославом описывается подробно, так как в ней заключается множество сцен византийского героизма, а главное – решающая победа византийцев, заключающаяся в

² Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Том. II: Византийские источники. С. 190-191

³ См.: Там же. С. 129-130, 132, 177-178, 184-185.

отступлении Святослава и оставлении им Болгарии. Что же касается Олега, то даже исходя исключительно из отечественных источников, следует отметить его уникальность. Фактически, он единственный кто полноценно одолел византийское сопротивление. Это является достаточным поводом для того, чтобы максимально «стереть» имя этого князя и само событие из истории Великой империи, как элементы, порочащие безупречную репутацию Византии как военной державы. Что касается князя Владимира, то молчание византийских источников выглядит еще более удивительным, однако стоит отметить, что если деятельность князя Владимира действительно сблизила Русь с Византией, то это имело бы хотя бы малое отражение в источниках. Невозможно было бы «потерять» среди исторических источников торжество принятия нового государства в лоно византийской политики и религии. Надо сказать, что, не смотря на отсутствие Владимира, информация о крещении Руси встречается в византийских источниках достаточно часто. Нюанс этих упоминаний заключается в том, что они преимущественно относятся к другим историческим периодам, например к 860 году, или к середине X века, а в некоторых случаях и вообще к XII веку. Поэтому не только личность, но и эпоха князя Владимира оказалась мало заметной для византийских книжников. Можно предположить, что, во-первых, тезис о серьезном сближении Руси и Византии в данный период несколько преувеличен. По крайней мере, если мы говорим о дипломатической составляющей, а не о динамичном развитии культурного обмена между регионами, который не зависит напрямую от властных структур. Во-вторых, возможно причина «молчания» византийцев заключается в том, что Владимир все же переиграл их и одержал победы, как на военном поприще, так и на дипломатическом уровне. Как хорошо известно, византийцы в своей литературе всячески подчеркивают величие своей империи и не любят признавать своих поражений. Конечно, это свойственно в той или иной степени всем народам, но у византийцев эта черта возведена на особый, высокий уровень. Таким образом, можно предположить, что как в свое время Олега пытались «стереть» из исторической памяти

византийские книжники, также они сделали, но с большим успехом, с Владимиром по причине его побед в борьбе с империей. Таким образом, данных двух правителей объединяет одно обстоятельство: оба князя вышли из русско-византийского конфликта с триумфом и привилегиями. Оставшиеся трое упомянутых правителя либо не участвовали в русско-византийских конфликтах (Ольга), либо проиграли (Игорь), либо оставили все приобретённые земли и ушли (Святослав). Отсюда следует, что центральной фактором формирования образа правителя в византийских источниках является статус самих византийцев в контексте взаимоотношений с конкретным правителем. Если статус «победоносных» византийцев нарушается, то правитель не приобретает негативной оценки, а просто игнорируется. Сравнивая образы Игоря и Святослава, следует отметить, что чувство воинского уважения и солидарности (до определенной степени, разумеется) не чуждо византийцам. Поэтому образ более удачливого в военном плане Святослава обладает также и положительными чертами, а образ слабого и неудачливого Игоря их лишен.

Следующей спецификой византийских авторов является рассмотрение образов правителей с позиций «цивилизация – варварство», иными словами «свысока». Византийцы всячески подчеркивают свое техническое, культурное, военное превосходство. В тех случаях, когда демонстрируется уважение к Святославу, подчеркивается все же варварство и дикость росов, а положительные характеристики (как например храбрость, непобедимость) служат подспорьем для прославления самих же византийцев. Таким образом, даже хваля других, ромей не могут не похвалить себя.

Межрегиональное влияние византийцев является уникальной особенностью данного государства. Ни один другой регион не обладает такой силой информационного воздействия и влияния на другие регионы. В ходе исследования нами было выявлены «следы» византийских информантов в европейских, скандинавских и восточных источниках. Наиболее ярко это проявилось по отношению к практически отсутствующему в византийских источниках Владимиру и князю Игорю. В случае с Игорем мы сталкиваемся во всех упомянутых регионах с

упоминанием главной причины его поражения – «греческим огнем». В случае с Владимиром мы находим «отголоски» византийских жалоб либо оправданий перед германцами, а также частично «византийская информация» встречается и в восточных источниках и, возможно, в скандинавских. Византия представляется в эпоху IX-X веков своего рода информационным титаном в евразийском регионе. Проводя параллели с современной ситуацией можно с определенными оговорками сравнить Византийскую Империю и США как двух сверхдержав своих эпох. Статус же сверхдержавы предполагает контроль над информационными потоками, возможность воздействовать в манипулятивных целях на изменение своего или чужого образа. Надо отметить, что в случае с Византией результат не настолько однозначный. С одной стороны поражает размах «каналов связи» Византии и масштаб их воздействия. В другой стороны надо отметить и очевидный недостаток информационной стратегии византийцев: недооценка специфики региональных менталитетов. Византийцы могли распространять одну и ту же информация, но результат в каждом регионе был различным. К примеру, что касается образа князя Игоря, то в Скандинавии он сохранился в связке с «греческим огнем», однако потерял свои черты князя-неудачника. В восточных источниках тот же самый князь рассматривается с точки зрения его отношений с Хазарским каганатом, а не с позиции поражения в византийском походе. Однако все данные предположения имеют ценность лишь в случае намеренного конструирования образов и целенаправленного информационного воздействия. Если же речь идет о спонтанных византийских информантов, которые не были связаны с государственными верхами, то ни о каких просчетах византийской информационной политики нет и речи. С нашей точки зрения говорить о расхождении византийских верхов и крупных торговцем можно в случае с образом князя Владимира. Основная причина заключается в расхождении установок во внутренних источниках с тем «византийским следом», который мы встречаем в саксонских источниках. Говоря о князе Игоре, то, напротив, нам представляется возможным существование единого, условно централизованного

информационного проекта, который отражается в едином смысловом центре пропаганды – превосходстве военных технологий Византийской Империи. Он же в свое очередь удивительным образом выгоден и вполне свойственен честолюбивым византийцам.

РУСИСТИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Политова Ирина Николаевна
Irina Politova

О «многоликости» служебного слова «просто» в современном русском языке

On the Diversity of the Function Word “Prosto” in Modern Russian

Аннотация: Статья посвящена анализу значений производной частицы «просто», выявлению особенностей ее употребления в контексте, проведению синонимических параллелей с другими частицами. Описаны примеры перехода частицы в союзы, отмечены переходные (синкретичные) случаи.

Abstract. The article is devoted to the semantic analysis of the derivative particle «prosto» in modern Russian and to its contextual usage peculiarities. The work also suggests a comparative research (synonymous parallels technique) of other Russian particles. The phenomena of the-particle-to-the-conjunction conversion are studied alongside with other intermediate and similar syntactical transformation models.

Ключевые слова: производная частица, синонимия частиц, производный союз, переход частиц в союзы.

Key words: derivative particle, synonymy of particles, derivative conjunction, the-particle-to-the-conjunction conversion.

Проблема разграничения функциональных омонимов является одной из актуальных в современной лингвометодике. Явление функциональной омонимии демонстрирует взаимодействие частей речи, их способность переходить из одного лексико-грамматического разряда в другой и свидетельствует о подвижности, динамичности системы частей речи, ее способности развиваться и обогащаться за счет имеющихся в ней ресурсов (см., например: [Бабайцева 2000: 178–219]).

Функциональные омонимы – это этимологически родственные слова разных частей речи, имеющие одинаковый звуковой состав [Бабайцева 2000: 194]. В лингвистической литературе используются различные наименования общего звукового состава функциональных омонимов. В своих исследованиях мы используем термины профессора В. В.

Бабайцевой – омокомплекс или звуковой комплекс [Бабайцева 2000: 198; Политова 2016].

Объектом исследования в данной работе является омокомплекс (звуковой комплекс) «просто», который в современном русском языке представлен следующими частями речи: 1) краткое прилагательное на -о; 2) наречие; 3) слово категории состояния; 4) частица; 5) союз.

Разграничению функциональных омонимов, объединенных омокомплексом «просто», посвящено немало работ (см., например: [Баудер, 1975; Высоцкая, 1999; Кириченко, 2002]). В настоящей статье нами предпринята попытка теоретически осмыслить и проиллюстрировать особенности функционирования служебного слова «просто» в современном русском языке.

Частица «просто» по происхождению является производной, наречной. Она же в свою очередь в определенных условиях речевой реализации переходит в разряд союзов.

На занятиях по современному русскому литературному языку в вузе с будущими филологами и учителями русского языка и литературы стоит обратить внимание на эту частицу на предмет ее многозначности и взаимодействия с союзами.

В толковых словарях о частице «просто» дана такая информация.

Большой толковый словарь: 1) совершенно, прямо. *Просто невероятно!* 2) всего лишь, всего-навсего; не иначе как. *Все это просто детское упрямство. Зовите меня просто Ваней* [Большой толковый словарь].

Толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: 1) усиливает слово, к которому относится, или высказывание в целом. *Этому просто нельзя верить*; 2) о том, что легко объяснимо, что нетрудно понять: именно, не иначе как. *Он просто не умен* [Ожегов, Шведова, 2008: 622].

Большой толковый словарь Д. Н. Ушакова: 1) употребляется как усилительная частица в значении «в самом деле, вот, действительно, истинно». *Это просто издевательство*; 2) употребляется как ограничительная частица в значении «только и ничего больше, не что иное как». *Мне просто хочется домой*; 3) как-то случайно, без намерения,

вообще (разг.) *Слово просто сорвалось у меня с языка* [Ушаков, 2009: 817].

Как видим, частица «просто» – многозначная. В разговорной речи встречается часто. Если в художественной речи наблюдается стилизация под разговорный стиль, то в этом случае, как нами замечено, употребляется чаще, чем в художественной речи без явных признаков «разговорности».

Анализ примеров из художественных текстов разных авторов, собранных методом сплошной выборки, позволил определить следующие значения частицы «просто»: 1) «только, лишь, только лишь, всего лишь, всего-навсего»: *Это было не письмо, а просто записка*; 2) «совсем, совершенно»: *Вести себя так просто нехорошо*; 3) «прямо»: *Ты просто радуешь меня!*; 4) «даже»: *Об этом просто неловко говорить*; 5) «не иначе как»: *Все его звали просто Сашей*.

Остановимся подробнее на каждом из отмеченных значений.

1. Частица «просто» относится к выделительно-ограничительным частицам (*только, лишь, только лишь, всего лишь, исключительно, разве лишь, хотя бы* и др.). В этом случае она синонимична частице «только» в значении «не более как, всего лишь», легко заменяется ею, а также другими близкими по смыслу частицами (например, *лишь, только лишь, всего лишь, всего-навсего*).

Сравним: Художники, ботаники или **просто** любители природы нашли бы здесь неистощимые материалы для своих наблюдений (*В. Арсеньев*) – Художники, ботаники или **всего-навсего** любители природы нашли бы здесь неистощимые материалы для своих наблюдений.

Нет забот, не о чем думать, **просто** живешь, ловишь лицом лучи солнца, вдыхаешь запах грибов – собрат этим суровым елям, частица нетронутой природы, растворяйся в ней без остатка (*В. Тендряков*).

Ограничительная частица вносит в эти примеры смысл «обыкновенности», «обычности» предметов и действий: под «просто любителями» подразумеваем «обычные любители», под «просто живешь» – «обычно живешь».

Частица «просто» в значении «всего лишь» часто указывает на незначительное отношение к описываемому в предложении факту действительности. Например, в предложении – Мало-помалу завязался разговор, благодушный, необязательный, **просто** потому, что молчать уже надоело (*В. Тендряков*) – «просто» подчеркивает, что причина возникновения разговора была одна и была она незначительная, несерьезная.

Интересно отметить, что частица «просто» в этом предложении синонимична частице «только» и в значении «единственно, исключительно». Сравним: Мало-помалу завязался разговор, благодушный, необязательный, **единственно (исключительно)** потому, что молчать уже надоело (*В. Тендряков*). Можно утверждать, что в данном примере в частице «просто» значение «всего лишь» совмещается со значением «единственно». Это в принципе характерно для большинства частиц: совмещать одновременно несколько значений.

В примере – Мир природы славно устроен: загадки лежат у тебя под ногами, нагнись и бери. <...> Даже если перед тобой **просто** звериный след (*Н. Сладков*) – через частицу автор передает не личное отношение к предмету, а пытается выразить чужую точку зрения. Вставляя частицу «просто» в контекст, Н. Сладков как бы говорит читателю, что загадка есть даже в таком незначительном для обычного человека (не натуралиста, не исследователя природы) факте бытия, как звериный след. Таким образом, слово «просто» разворачивает информационное поле данного предложения и передает дополнительные смыслы, не лежащие на поверхности.

Очевидный факт, что частицы нередко «служат показателем компрессии мысли, т. е. те значения, которые зачастую определяются как дополнительные или оттеночные, по существу, представляют собой содержание» неназванных фрагментов предложения [Современный русский язык, 2001: 213]. Так, в примере – Он [Тема] думал, что старик **просто** перешел на другое место. Но старика нигде не было (*Н. Гарин-Михайловский*) – частица «просто» помогает нам трактовать

информацию, данную в первом предложении, так: Тема думал, что старик не ушел совсем, а перешел на другое место.

2. Второе значение частицы «просто», также часто встречающееся, – «совсем, совершенно». В этом случае частица «ведёт себя» как определительно-уточняющая. Ей синонимичны такие частицы, как *решиительно, определенно*.

С помощью частицы «просто», синонимичной частице «определенно», говорящий подчеркивает свою уверенность в том, что говорит и какие оценки дает фактам действительности. «Это не вызывает и не может вызывать никаких сомнений и возражений», – вот что подчеркивает частица «просто».

Заметим, что авторы «Русской грамматики» 1980 г. фактически все смысловые частицы относят к модальным, то есть к таким частицам, которые выражают различные отношения говорящего к фактам речи и их оценку, и отмечают, что «модальная окрашенность характерна для класса частиц в целом» [Русская грамматика, 1980: 727]. Значение уверенности – одно из модальных значений.

В этом значении частица «просто» нередко усиливает отрицание: Натуралист **просто** не имеет права быть белоручкой (*Н. Сладков*); Алина же **просто** не умолкала (*А. Алексин*).

Обратим внимание на то, что, помимо выражения значения уверенности, частица повышает эмоциональный фон высказывания. В первом предложении автор говорит уверенно, даже безапелляционно, это его позиция, он не допускает возражений, потому что на своем опыте убедился в том, о чем говорит. Говорит Н. Сладков о своей профессии, о своей работе, потому ему так принципиально важно, чтобы читатель поверил в неоспоримость выдвинутого постулата. Без частицы «просто» предложение утратило бы свою категоричность, звучало бы мягче. То есть, помимо выражения дополнительных смыслов, частица играет важную стилистическую и идейно-смысловую роль.

«Просто», синонимичное частице «определенно», может показывать высокую степень, чрезмерность проявления признака, действия, состояния: Есть области человеческой деятельности, где артельная работа **просто** немыслима, в особенности работа над книгой (*К. Паустовский*); – Тебя узнать

невозможно! Этот месяц в деревне **просто** преобразил тебя (*А. Алексин*); Скрипки, рояли и виолончели казались мне в тот вечер **просто** невыносимыми (*А. Алексин*). И в этих примерах частица «просто» позволила авторам передать эмоции, личное отношение говорящих к содержанию высказывания.

«Просто» в значении «решительно», кроме вышеуказанных оттенков в значении, выражает категоричность оценок, недопустимость других вариантов: Отец разъяснил Сане, что в наше время, когда на карте совсем не осталось белых пятен, быть путешественником **просто** глупо (*Н. Соломко*); Лева играл на кларнете. Он всегда играет: и утром и вечером. Представляете? Как у него хватает терпения! **Просто** понять не могу (*А. Алексин*).

3. Еще одно из обнаруженных нами определительно-уточняющих значений у частицы «просто» – это значение, близкое к частице «прямо». Причем в одних случаях речь идет о «прямо» в значении «совершенно, действительно»: Я начал писать книгу по плану, но, сколько я ни бился, книга **просто** рассыпалась у меня под руками (*К. Паустовский*); а в других – о «прямо» в значении «как раз, именно, точно»: – Ну и гараж! Это **просто** сарай, а не гараж, – проворчал Шпунтик, открывая широкие двустворчатые двери (*Н. Носов*).

Частица «просто» в значении, синонимичном частице «прямо», часто употребляется при словах с крайне эмоциональной оценкой происходящего: – **Просто ужас**, до чего проголодался, – признался Незнайка. – Кажется, целого слона съел бы! (*Н. Носов*); Вот какая ерунда получается! **Просто безобразие!** (*В. Осеева*). В словах «ужас», «безобразие» выражено чувство возмущения, а частица «просто» усиливает это чувство.

В общем-то во всех рассматриваемых в этом пункте предложениях повышенный эмоциональный фон. Автор высказывания испытывает те или иные чувства. Например, в предложении – Пап! Вот этот снайпер Алеша **просто** богатырь (*В. Осеева*) – выражен оттенок удивления: Алеша настоящий богатырь, и это удивляет, поражает, восхищает. В предложении – Это **просто** сарай, а не гараж, – проворчал Шпунтик, открывая широкие двустворчатые двери (*Н. Носов*) – возмущение не

выражено отдельными лексемами, эту роль берет на себя частица, она выражает негативное отношение автора высказывания к предмету по причине его несоответствия сформированным представлениям о нем.

Частица «прямо» часто употребляется со словами, указывающими на конкретное место. Например, Объявление висело прямо на заборе. Магазин расположен прямо передо мной. В похожем значении встречаем и «просто»: Они [ребята] сидели кто на корточках, кто **просто на полу** и поеживались от утреннего холода (*Ю. Сотник*); Ему стыдно было признаться, что у него книги лежали **просто на столе**, а то и под столом и даже под кроватью (*Н. Носов*); Берлогу бурый медведь устраивает под корнями деревьев, в расщелинах камней и даже **просто в земле** (*В. Арсеньев*).

4. Четвертое отмеченное нами значение частицы «просто» близко по смыслу к частице «даже».

«Даже» – многозначная усилительная частица. Важно отметить, что она синонимична частице «просто» в разных своих значениях.

Например, в предложении – Об этом **просто** стыдно писать (*А. Алексин*) – «просто» близко по значению к частице «даже», употребляющейся при сообщении о том, что осуждается.

В предложении – Алина пела вполголоса, и все в зале, особенно мальчишки, **просто** боялись дышать (*А. Алексин*) – «просто» тоже можно заменить частицей «даже», служащей «для выражения неожиданности и интенсивности того действия, о котором сообщается» [Ожегов, Шведова, 2008: 151].

В следующем примере – Но сами-то десятиклассники не догадываются о том, что они абсолютные дети. И никто им этого не объяснит: **просто** никто не решится (*А. Алексин*) – «просто» можно заменить на «даже» в значении «выделение той части сообщения, которая его подтверждает, приводя дополнительные аргументы или еще более вескую информацию» [Ожегов, Шведова, 2008: 151]. В этом значении частица «просто» нам встречалась чаще всего.

Чтобы понять, в каком значении употреблена частица «просто» в предложении, нередко необходимо обращение к более широкому контексту. Разберем ниже следующий пример:

– Тебя просят выступить у нас на новогоднем вечере, – повторила я...

– Я готов, – сказал Лева. – <...> Но слушать сольное выступление на новогоднем вечере?.. Кларнет выигрышной звучит в оркестре. Может быть, пригласить весь наш студенческий оркестр? Это будет эффектной.

Еще чего не хватало! Чтоб скрипки вылезли на первый план, а мой брат сидел где-то в углу? И чтоб кланяться выходил дирижер, а мой брат превратился в «незаметного героя оркестра»? Нет, я хочу, чтобы он был заметным!

– Ваш оркестр **просто** не поместится на нашей сцене, – сказала я. – И никто его вовсе не приглашал... (А. Алексин)

Из содержания отрывка мы понимаем, что последняя реплика произнесена специально как весомый аргумент, категорично отвергающий возможность выступления брата с оркестром. Частица «просто» усиливает этот аргумент.

Обращение к широкому контексту позволяет увидеть в этом употреблении частицы, кроме того, еще и противительно-ограничительное значение, свойственное союзу «но». Последнюю реплику можно развернуть следующим образом, чтобы понять смысл частицы и всего высказывания в целом: Ваш оркестр мог бы выступить на нашем вечере, но он даже не поместится на нашей сцене.

Частица «просто» в выше рассмотренном примере употребляется при слове с отрицанием, и надо заметить, что это довольно часто встречающийся случай: Они **просто не** знают, что ты будешь выступать...; Например, без косы, которая золотистой подковой обрамляла голову, я маму **просто** ни разу в жизни **не** видела; **Просто не** верится, что ты ее родственник! (Из произведений А. Алексина); Обижать малышей в Цветочном городе **просто** стало **не** принято (Н. Носов).

Частица «просто» помогает передать, усилить градационное значение, которое прежде всего выражено градационным союзом «не только ... но»: Нет возможности **не только** рассказать, **но просто** перечислить все встречи,

поездки, разговоры и случаи, которые были на моем пути (*К. Паустовский*). В этом примере «просто» легко заменяется на «даже». Кстати, «даже» нередко участвует в образовании градационных союзов. Сравним с предыдущим примером: Нет возможности **не только** рассказать, **но даже** перечислить все встречи... – Нет возможности **не то что** рассказать, **даже** перечислить все встречи...

Частица «просто» в значении «даже» может участвовать и в построении нисходящей градации как стилистической фигуры: Василий же испытывал к ней благодарность за то, что она беспокоится о больном, за то, что она больше него понимает в болезни, **просто** за то, что сидит рядом (*В. Тендряков*).

5. В следующей группе примеров «просто» употребляется в значении «не иначе как»:

По этому поводу был созван семейный совет, который уместнее будет назвать просто педсоветом (*Н. Соломко*); Меня-то ведь все звали просто Женькой (*А. Алексин*); Читать и писать меня учила вдова младшего брата отца, Наталья Даниловна, одинокая, несчастная женщина, которую я звал просто Натальей (*И. Соколов-Микитов*). Наступил день концерта. Конферанс вел артист местного драматического театра. Я, право, не помню теперь его полного имени. Среди нас он был **просто Мишей** (*В. Солоухин*).

О значении «не иначе как» сигнализируют слова *звать*, *называть* и т.п. В этом значении частица часто употребляется с личным именем. Однако, как видим из приведенных примеров, частица может относиться и к нарицательному имени существительному, называющему какие-либо объекты, предметы действительности.

Перейдем к разбору служебного слова «просто», употребляемого в качестве союза.

Известно, что частица «просто» в определенных контекстуальных условиях переходит в разряд союзов. Этот переход в некоторых случаях функционирования служебного слова «просто» лишь намечается. Можно утверждать, что существуют так называемые переходные (синкретичные) примеры, в которых частица «просто» находится на пути к противительному союзу: уже не типичная частица и еще не

типичный союз. В этом случае она не только обозначает добавочное значение, но и выполняет функцию средства связи предложений и выражает отношения между ними.

1) – А можно узнать, почему вы забыли о своем отряде?

– Я **не** забыл. Я **просто** очень занят (Ю. Сотник).

2) Я **не** изучал тот старый дом, где жил, как материал для рассказа. Я **просто** полюбил его за угрюмость и тишину (К. Паустовский).

3) Когда Иринushка, веселая и раскрасневшаяся после игры, пришла на урок, я **не** стал ей напоминать о вчерашнем, а **просто** посадил ее за букварь (Л. Пантелеев).

Первая часть содержит отрицание (это одно из условий «зарождения» союза «просто»), но «просто» еще не союз, потому что слово занимает нетипичную для союза позицию середины предложения. В последнем примере, более того, есть союз «а». Что нужно, чтобы переход в «союзы» произошел? В первых двух предложениях изменить позицию «просто», в третьем предложении «вытеснить» (удалить) союз «а», чтобы его позицию заняло слово «просто». И вот тогда можно говорить о слове «просто» как о противительном (сопоставительном) союзе: **В**овсе он не стеснительный, **просто** в нем гордости очень много! (Ю. Сотник). Чтобы доказать противительное (сопоставительное) значение союза «просто», предлагаем применить прием трансформации: Он не стеснительный, а гордый.

Противительный (сопоставительный) союз «просто» часто употребляется как средство связи предложений в сложном синтаксическом целом:

1) Жизненный материал – все то, что Достоевский называл «подробностями текущей жизни», – **не** изучают. **Просто** писатели живут, если можно так выразиться, внутри этого материала – живут, страдают, думают, радуются, участвуют в больших и малых событиях, и каждый день жизни оставляет, конечно, в их памяти и сердце свои заметы и свои зарубки (К. Паустовский).

2) Местное слово может обогатить язык, если оно образно, благозвучно и понятно. Для того чтобы оно стало понятным, совсем **не** нужно ни скучных объяснений, ни сносок. **Просто** это

слово должно быть поставлено в такой связи со всеми соседними словами, чтобы значение его было ясно читателю сразу, без авторских или редакторских ремарок (*К. Паустовский*).

Отрицание в первой части может быть выражено словом «нет»: – Никакого самоуправления **нет**, – ответил Незнайка. – **Просто** я ходил с обследованием (*Н. Носов*).

Противительный союз «просто» может выступать не только в сопоставительном, но и в уступительном значении: – Ой, по пути, значит, – сказала Лиза, хотя идти ей нужно было совсем в другую сторону. **Просто** ей очень хотелось поговорить с новенькой (*Л. Пантелеев*). Чтобы убедиться в правильности установленного грамматического значения, предлагаем такую трансформацию: Лизе нужно было совсем в другую сторону, **но** ей очень хотелось поговорить с новенькой. На уступительное значение наслаивается и значение причины. Развернем высказывание, восстановив подразумеваемые компоненты: **Хотя** Лизе нужно было идти совсем в другую сторону, она пошла с новенькой, **потому что** ей очень хотелось поговорить с той.

В следующем примере «просто» также является противительно-уступительным союзом: Почему печаль «блещет опалами» – этого ни тогда, ни сейчас я объяснить не могу. **Просто** меня увлекало самое звучание слов. Я не думал о смысле (*К. Паустовский*). Возможна трансформация: Несмотря на то, что я не могу объяснить смысл этих строк, меня увлекает их звучание ИЛИ Я не могу объяснить смысл этих строк, но меня увлекает их звучание.

Выше, в ходе анализа частицы «просто», мы отмечали, что в некоторых случаях она усиливает градационное значение. С этим же значением может быть связано «просто» и в союзной функции. «Просто» входит в состав градационного союза «не просто ... а»: Я тут же наметил себе огромную программу действий. Убирая квартиру, я **не просто** подмету паркетный пол, **а** заново натру его воском... (*Ю. Сотник*); Ведь это же **не просто** снимок, **а** художественная композиция, настоящее чудо техники! (*Г. Скребицкий*).

Нам встретился случай соотношения частицы «просто» и градационного комплекса «не просто... а» в одном контексте: В следующую долю внимания мы уже различим, что то, что казалось нам **просто** зеленью, **вовсе не просто** зелень, **а** нечто подробное и сложное (*В. Солоухин*). Несмотря на формирование градационного союзного комплекса, в этом примере, благодаря лексическому повтору (*просто зелень – не просто зелень*), еще сильно ощущается значение частицы «не просто».

Омокомплекс «просто» входит в состав и другого градационного союза «не то чтобы... просто»: По ночам мы жгли тумбочки. На чердаке нашего общежития был склад старых тумбочек. **Не то чтобы** они совсем никуда не годились, напротив, они были ничуть не хуже тех, что стояли возле наших коек, – такие же тяжелые, такие же голубые, с такими же фанерными полочками внутри. **Просто** они были лишние и лежали на чердаке (*В. Солоухин*).

И в этом случае мы отметили примеры, в которых частица «не просто» находится на пути к градационному союзу: Он был **не просто** круглый отличник, он был вундеркинд, вежливо скучающий на уроках (*Н. Соломко*); Но сбор фактов **не просто** черновая работа – это еще и увлекательный поиск (*Н. Сладков*); Он **не просто** потребует выйти. Он еще осрамит на весь зал! (*А. Алексин*)

Как видим, «не просто» выражает градацию, но союза между предикативными частями сложного предложения или самостоятельными простыми предложениями нет вообще, поэтому и не может сформироваться двойной градационный союз. Но при его вставке ситуация кардинально меняется. Сравним: Он был **не просто** круглый отличник, **а** вундеркинд, вежливо скучающий на уроках; Но сбор фактов **не просто** черновая работа, **а** еще и увлекательный поиск.

«Просто» в значении союза «ведь» имеет причинное значение: Неизвестно, что сделал бы в своей жизни Пришвин, если бы он остался агрономом (это была его первая профессия). Во всяком случае, он вряд ли бы открыл миллионам людей русскую природу как мир тончайшей и светлой поэзии. **Просто** на это у него не хватило бы времени (*К. Паустовский*).

«Просто», синонимичное присоединительному союзу «даже», тоже выполняет функцию присоединительного союза: Когда меня показывали очередному профессору, мама обязательно шепотом предупреждала, что это «самое большое светило». На сей раз «самые большие светила» собрались все вместе. **Просто** слепило в глазах! (А. Алексин).

Подведем итоги. Анализ речевого материала, включающего служебное слово «просто», показывает, что в речи оно реализуется как частица, как союз и как структурный элемент составных союзов. Частица «просто» описана в толковых словарях недостаточно полно. Установленные нами значения позволили соотнести частицу с другими производными частицами. Прием синонимических параллелей и замен помогает уточнить значение частицы и понять ее назначение.

При переходе частицы «просто» в союзы она попадает в определенные синтаксические условия, благодаря которым и приобретает новый статус. Нами отмечены следующие случаи: 1) частица на пути к противительному союзу; 2) противительный союз; 3) частица на пути к градационному союзу; 4) градационные союзы «не просто ... а», «не то чтобы ... просто»; 5) «просто» в значении союза «ведь»; 6) «просто» в присоединительном значении.

«Многоликость» служебного слова «просто», продемонстрированная в настоящей статье, показывает непростые системные взаимодействия языковых единиц в общей языковой системе, их динамичное, а не статичное положение в ней.

Литература

1. Бабайцева, В. В. Явления переходности в грамматике русского языка [Текст] : монография. – М. : Дрофа, 2000. – 640 с.
2. Баудер, А. Я. Какой частью речи является слово «просто»? [Текст] // Русский язык в школе. – 1975. – № 6. – С. 81–86.
3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>

4. Высоцкая, И. В. Лексико-грамматическое описание омокомплекса *просто* [Текст] // Филологические науки. – 1999. – № 2. – С. 71–77.
5. Кириченко, И. В. Семантические и функциональные особенности слова «просто» в современном русском языке [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Ставрополь, 2002. – 188 с.
6. Ожегов, С. И. и Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений [Текст] / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : ООО «Ити Технологии», 2008. – 944 с.
7. Политова, И. Н. Омокомплекс ВСЁ в современном русском языке [Текст] // Русский язык и литература: актуальные проблемы теории и практики преподавания : сб. науч.-метод. ст. I Всероссийской научно-методической конференции, 29 марта 2016 г. / Гос. соц.-гум.ун-т / отв. ред. М. А. Дубова. – Коломна : ГСГУ, 2016. – С. 54–61.
8. Русская грамматика [Текст] : в 2-х т. Т. I / гл. редактор Н. Ю. Шведова ; АН ССР, Институт русского языка.– М. : Наука, 1980. – 788 с.
9. Современный русский язык: Анализ. Теория языковых единиц [Текст] : учеб. для студ. высш. учеб. заведений : в 2 ч. – Ч. 2. Морфология. Синтаксис / В. В. Бабайцева, Н. А. Николина, Л. Д. Чеснокова и др. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 704 с.
10. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180 000 слов и словосочетаний [Текст]. – М.: Альта-Принт : Дом. XXI век, 2009. – 1239 с.

РЕЦЕНЗИИ

Красина Елена Александровна
Elena Krasina

Рецензия

на монографию **Клаудии Беднаровой-Гибовой** «*К пониманию перевода в Европейском союзе*» (на английском языке). Прешов (Словения), Гуманитарный факультет, Институт британских и американских исследований, 2016: 168 с. ISBN 978-80-555-1670-7.

Электронный ресурс:

<http://www.pulib.sk/web/kniznica/elpub/dokument/Bednarova3>⁴

Выполнена в рамках гранта **KEGA 007PU-4/2015**, 2016 г.

Review

Kludia Bednárová-Gibová. *Towards an Understanding of EU Translation*. Monograph. Prešov, University of Prešov, Faculty of Arts, Institute of British and American Studies, 2016. 168 p. ISBN 978-80-555-1670-7; electronic resource: <http://www.pulib.sk/web/kniznica/elpub/dokument/Bednarova3>

EU translation makes an integral part of modern specialized communication “as a linking force between various legal, linguistic and cultural systems”, according to the author of the study, which is of vital importance as it’s high time not just to analyze, but set new research goals in the field of bilateral English-Slovak legal translation based on the glossary of EU legal terms of the IATE database so that to map out translation procedures applied to EU legal texts of the 2008-2016 period. By default, English is taken for modern lingua franca due to its global nature to date.

Multidimensional object of the study – legal, textual and linguistic, involves a lot of instruments and means used to form and formulate specificities and principles of EU translation. As any global or limited language case-study of the EU legalese translation of parallel English–Slovak texts, this one needs choose and define

⁴ © PULIB 2017. This publication is supported by the KEGA 007PU-4/2015 grant scheme.

database and methodology as well as the area and means of a proper linguistic study which specify such aspects as nominalization, critical stylistics, critical discourse analysis, lexical gobbledygook, firstly, in relation to legal terms – EU legal terms, their specificities and functions, correlations of legal terms and ‘ordinary language’ studied by means of the IATE database, etc. The corpus research has a solid background in parallel English and Slovak EU legislative documents such as agreements, directives, regulations, opinions, special reports within the last decade period.

Starting from Chapter 2 “Insights into Institutional Legal Translation”, the author continues research in Chapter 3 “Selected Linguistic Aspects of EU Texts”, being, in our opinion, the core of the study, and treats the phenomena of translation focusing on translation strategies and tactics. Once again, terminology analysis and other lexical resources are being discussed to draw the main conclusion on the EU-ese hybridity having in the view the origins and perspectives to create EU institutional legal texts and databases which by all means is not limited to lexis and terminology but spreads to consider stylistics and syntax areas.

Main conclusions state the nature of EU legal translation be both the unique phenomenon of supranational specialized communication (p. 136) and the means to reveal EU multilingualism in legal sphere that help create hybrid linguistic representation so as be absorbed into Euro-language, Eurolect, more specifically EU-ese, EU-fog and so on. Terminology reflects the EU-ese high level of EU text standardization which naturally belongs to idiosyncratic unique LSP texts. All these features vividly demonstrate a unique or at least highly specific situation primarily governed by communicative function and ‘furnished (...) with a high symbolic value’ (p.137) caused by the language environment specific combination of postmodernist homogeneous discourse as well as a target language has to meet supranational multicultural needs of accurate translation and realization of any target text.

In course of linguistic analysis one may find that universally, besides terminology, in all 24 official EU languages adequate translation uses mainly stylistic and semantic means though EU institutional legal discourse forms a certain conceptual framework for any language involved in a complex and creative translation

activities and actually belongs to EU discourse as a whole while similar institutional discourses of each language are under study.

The monograph structural composition is logical and balanced, elegant and stylish: it correlates to its theoretical and empirical character as the author remarks, which adds to comprehension of theory and its application in translation practice. Structurally crucial parts of the monograph – Introduction and Conclusion make as if a frame of its whole content while Introduction serves as guidelines to the study and Conclusion finalize the research and projects perspectives for further research on the EU-ese translation.

As the monograph's background, there's a vast bibliography specifying numerous sources, and a bibliographic note including the works by the author – Klaudia Bednárová-Gibová.

To sum up, we'd like to state that the monograph under review *Towards an Understanding of EU Translation* by Klaudia Bednárová-Gibová integrates a theoretical study and a manual projecting the guidelines for the EU legalese translation practices giving direct recommendations for bilateral translation within the frames of multilingual, multicultural, supranational and multilateral EU legalese strongly supported with intralinguistic/interlinguistic postmodernist methodology.

Elena A. Krasina, PhD, Dr of Philology, Professor, professor of the General and Russian Linguistic Department, Philological faculty, RUDN University, Moscow, Russia; e-mail: elena_krassina@mail.ru.

СПИСОК АВТОРОВ

Ахренова Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет» (г. Коломна).

Е-mail: nakhrenova@mail.ru

Телефон: +7 (916) 872-53-84

Карасик Владимир Ильич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории английского языка Волгоградского государственного социально-педагогического университета, профессор Тяньцзиньского университета иностранных языков.

Е-mail: vkarasik@yandex.ru

Красина Елена Александровна - доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов, Москва, Россия.

Е-mail: elena.krassina@mail.ru

Леонтович Ольга Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации и перевода Волгоградского государственного социально-педагогического университета

Е-mail: olgaleo@list.ru

Телефон: +7 (927) 253-67-02

Лутеро Татьяна – аспирант-очник 3-его года обучения кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов

Е-mail: kaf_yazik_rudn@mail.ru

Телефон: +7 (499) 936-85-73

Мамонова Татьяна Анатольевна – студентка 1 курса факультета иностранных языков (магистратура)

государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет».

Е-mail: tanya_mamonova@mail.ru

Телефон: +7 (915) 202-83-11

Павловский Иван Игоревич – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Е-mail: rusciv@mail.ru

Тел.: +7 (916) 514-84-37

Политова Ирина Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет» (г. Коломна)

Е-mail: i.politova@gmail.com

Телефон: +7 (916) 917-91-25

Рыблова Алла Николаевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Российского Нового Университета, академик МАНПО

Е-mail: alla.r61@mail.ru

Телефон: +7 (999) 852-97-42

Уважаемые коллеги!

Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ) сообщает о начале приема статей для следующего номера научно-исследовательского журнала «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)».

В журнале публикуются статьи, рецензии и библиографические обзоры, информация о конференциях, семинарах и круглых столах по следующей тематике:

1. Теория и практика преподавания языков на всех уровнях
2. Устный и письменный перевод
3. Лексикография
4. Терминоведение и терминография
5. Социолингвистика
6. Психолингвистика
7. Язык средств массовой информации
8. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация
9. Стилистика и анализ дискурса
10. Информационно-коммуникационные технологии в прикладной лингвистике
11. Языковая ситуация в различных регионах мира.

О журнале

Научный журнал «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)» освещает результаты исследований в разных областях гуманитарного знания, связанных с изучением языка в его прикладных аспектах и на широком фоне культурной, социальной, политической жизни народов, на нем говорящих, т.е. «мира изучаемого языка», без знания которого невозможно ни международное, ни межкультурное общение.

Издание зарегистрировано в **Международном центре ISSN**, входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре), Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-52630 от 25 января 2013 года.

Каждый из выпусков журнала направляется в Российскую книжную палату, которая осуществляет рассылку

журнала «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)» в Российскую государственную библиотеку и другие ведущие библиотеки, образовательные и научные учреждения Российской Федерации.

Качество публикуемых статей контролируется редколлекцией, в состав которой входят ведущие ученые, возглавляющие научные секции Национального общества прикладной лингвистики. Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонить заявку на публикацию по результатам отзывов рецензентов.

Авторы несут ответственность за точность и достоверность содержащихся в их материалах сведений научного и энциклопедического характера.

Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

Требования к оформлению статьи

Все статьи, поступающие в редакцию, должны быть оформлены строго в соответствии с требованиями. Статьи, оформление которых не соответствует предъявляемым требованиям, рассматриваться не будут.

В начале статьи предоставляются следующие сведения: фамилия, имя и отчество (полностью) автора (авторов), название статьи, ее аннотация объемом 40–50 слов, ниже отдельной строкой – ключевые слова. Сведения должны быть предоставлены на русском и английском языках.

Андреев Сергей Петрович
Sergey Andreev

Язык представителей хип-хоп культуры: от социолекта к дискурсу

The language of hip-hop culture: from sociolect to discourse

Аннотация. Хип-хоп культура, как и рэп-лирика, до недавнего времени находилась на периферии научного знания, как явление «маргинальное», «антисоциальное» и «массовое». Дискурсивный подход, предполагающий рассмотрение текстов в связи друг с другом, а также с явлениями окружающей действительности и социальной реальностью, позволяет сделать анализ комплексным и выявить внутренние закономерности языка отдельной социальной общности.

Abstract. The linguistic features of various subcultures used to be on the periphery of science until recently as something considered to be "marginal", "antisocial", "popular". As the result of communicative approach and anthropological turn in linguistics this situation has recently changed. In our research we make an attempt to define special features of the language of hip-hop culture taking into consideration the category of discourse.

Ключевые слова: хип-хоп культура, социолингвистика, дискурс, сленг, социолект, текст, рэп.

Key words: hip-hop culture, sociolinguistics, discourse, slang, sociolect, lyrics, rap.

Для подготовки статьи должен использоваться текстовый редактор Microsoft Word и шрифт Times New Roman. Документ должен быть сохранен в формате *.rtf

Поля: по 2 см со всех сторон.

Объем статьи 5 – 8 страниц формата А4, ориентация – книжная. Шрифт – обычный, размер шрифта – 14 пт, междустрочный интервал - 1,5.

Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg должны иметь разрешение не менее 300 dpi и прилагаться отдельными файлами.

Библиографические списки и затекстовые примечания оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления».

– т. е. перефокусирование, которое мы рассматриваем как разновидность дефокусирования [Ирисханова, 2010].

Смена функции номинации с не прямой на прямую в тексте применительно к одному референту свидетельствует в пользу того, что такое наименование при повторном использовании способствует конвенционализации или закреплению [Кубрякова, Ирисханова, 2012: 184] его трансформированной структуры. Так, Р. Лэнгекер отмечает, что «можно говорить о развертывающейся шкале конвенционализации когнитивного явления. Каждое использование некоторой структуры оказывает положительный эффект на степень конвенционализации, в то время как продолжительные периоды не-использования - отрицательный. Посредством повторного использования окказиональная структура (novel structure) постепенно конвенционализируется». [Langacker, 1987: 59].

В конце статьи должны быть размещены сведения об авторе (авторах): ученая степень, ученое звание, должность, структурное подразделение, вуз, электронный адрес и контактные телефоны.

Иванов Алексей Павлович – кандидат филологических наук, доцент института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета.

E-mail: alexei_ivanov@yandex.ru.

Телефон: +7-906-754-41-22

По всем вопросам, касающимся публикации статей в журнале «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики», просьба обращаться на электронный адрес редакционной коллегии журнала limw.editor@gmail.com.

Научно-исследовательский журнал

**УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ**

Национальное общество прикладной лингвистики

Коллектив авторов

Подписано в печать 05.06.2017. Формат 60x90/16

Заказ № 81461. Тираж 1000 экз.

Типография Академии акварели и изящных искусств

art-tipografia.ru

117133, Москва, ул. Академика Варги, 15

Тел.: (495) 531-55-55

academy.andriaka.ru